

ЭЛЛИНА НАУМОВА

ТРИ ОШИБКИ ПОЛКОВНИКА ИЗМАЙЛОВА

— ИЛИ РОКОВОЕ БОРДО —

Эллина Наумова
Три ошибки полковника
Измайлова, или Роковое
бордо. Полина и Измайлов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27809523

ISBN 9785449003614

Аннотация

Когда молодых, успешных, любящих друг друга супругов травят вином, а потом душат подушкой в собственной спальне – это чересчур даже для изобретательной жестокой Москвы. У полковника Измайлова ничего не получается с расследованием. У Полины тоже. Но она никогда не сдаётся. И для начала принимается считать ошибки полковника – первая, вторая, третья...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	28
Глава четвертая	59
Глава пятая	77
Глава шестая	89
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Три ошибки полковника Измайлова, или Роковое бордо Полина и Измайлов

Эллина Наумова

*Персонажи вымышлены, любые
совпадения случайны.*

Иллюстратор Вячеслав Уртеко

Дизайнер обложки Вячеслав Уртеко

© Эллина Наумова, 2017

© Вячеслав Уртеко, иллюстрации, 2017

© Вячеслав Уртеко, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4490-0361-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

После новогодних праздников полковник Виктор Николаевич Измайлов руководил своим убойным отделом из последних сил. За то, что из последних, по-женски отвечаю. Я же кормила его ужинами, которые он мерно жевал в полудреме. И наблюдала за дальнейшим полноценным отдыхом, то есть попытками не заснуть в кресле мгновенно, а успеть хоть газету раскрыть. Почему нельзя лечь в постель, не пошуршав периодикой, я так и не уразумела.

Нет, полковник не отмечать все подряд устал. Но, кто бы мог подумать, что кроме бытовухи (теща там зятя молотком приласкала за всю свою и дочкину разнесчастную жизнь), которой Виктор Николаевич, являясь особо ценным кадром, не занимается, на святках столько удачливых и богатых господ переселятся с помощью убийц на тот свет. Казалось, чем больше было вокруг разубранных золочеными звездами и посеребренными ангелами елок, чем чаще просвещенные батюшки призывали к любви, тем сильнее мирян тянуло на изощренные мерзости.

Я поделилась соображениями с подругой Настасьей. Я с друзьями делюсь всем, но они порой признаются, что именно без моих соображений могли бы обойтись. Плакали бы, тосковали, но терпели.

– А попробуй посуществуй в Москве. Не так, как ты,

приподнято. Просто. В любом мегаполисе. Да хоть в деревне! – откликнулась особо стойкая к моим завихам Настасья. – И везде найдется местный воротила, который всем поперек горла. У нас же слово мироед и уверенность в том, что всякий богат, потому что мы бедны, в генах сидит.

– Или потому что нам лень отнять у богатых, – встряла я.

– Мне не хуже, чем твоему Викнику известна последняя статистика, – не соизволила отвлечься на обсуждение революционного настроения масс Настасья. Она упорно сокращала имя и отчество Виктора Николаевича Измайлова до фамильярного Викник. – Кто штопает недобитых, недострелянных и недорезанных?

– Ты. Ты хирург, кандидат медицинских наук, – опасливо признала я, соображая, не лишним ли будет еще и комплимент ее внешности. Потому что Настя схватила со стола кухонный нож и остервенело им затрясла.

– Вообще-то, Поля, дело не в месте, а в количестве воротил. На Москве их в избытке. Следовательно, и завистников не мерено. Геометрическая прогрессия.

– Настасья, ты гений, – льстиво пробормотала я. – Немедленно отдай нож.

– Нож? Тебе?! – подскочила ко мне вплотную подруга. Я мысленно поклялась никого никогда больше не утомлять отвлеченными от насущных человеческих нужд разговорами. – Колбаса где? Я у нее поесть прошу, а она чушь несет. Чем больше в мире добра, тем больше, видите ли, зла!

Мне удалось быстро ее успокоить. Колбаса для этого доктора – лучшее лекарство. А тут на мое счастье в холодильнике окорок случился.

После очередного вялого ужина Измайлов не замаскировался под газетой, а превозмог тяжесть собственных век, будто доказывал, что они не связаны напрямую с желудком, и спросил:

– Поленька, ты ничего не слышала о Косареве?

Я даже с ответом запоздала – настолько отвыкла за последние дни от всех вопросов, кроме одного: «У тебя, надеюсь, все хорошо, детка»? Потом радостно зачастила:

– Конечно, слышала. Кто же о нем ничего не слышал, Вик!

– Я по-стариковски как-то выразился, – закокетничал полковник.

При чем тут возраст определить было невозможно. Вик явно нуждался в моральной помощи. И я ее охотно оказала:

– Знаешь, временами кажется, будто тебе мои двадцать пять, а мне твои сорок пять. Я такого напряжения, как у тебя, не вынесла бы. А что, и до Косарева очередь дошла?

– Детка, пресловутой очереди на прием к судьбе не существует.

– Врешь, Вик.

– Ну, у каждого свое мнение. Твое дело журналистское. Кстати, допустимо ли добавить, творческое?

– Убыю!

– Это ты мне, убойщику со стажем? За что, впрочем, и люблю.

– Полковник, прекрати томить журналистку.

– А вот журналистика тут совершенно ни при чем. Я заговорил с тобой о Косареве, как со...

– Со сплетницей.

– Ты сказала. Не обидишься? – засмеялся он. И вдруг горько упрекнул: – Поль, не притворяйся. Будто мало ты со мной, с подругами, да с половиной города сплетничаешь.

– Сам такой, – гордо ответствовала я. – Все ваши расследования на три четверти есть собирание сплетен о жертвах и подозреваемых. И то, что вы называете сплетни фактами, ваша проблема.

– Невысокого же ты о нас мнения, – вздохнул Вик и мученически прикрыл глаза.

Подозреваю, чтобы подремать пару минут. Я воспользовалась паузой в нашей содержательной беседе и принялась лихорадочно соображать, чтобы соответствовать присвоенному мне Измайловым званию всезнайки. Если Вик заговорил о Саше Косареве, значит, либо тот кого-нибудь, либо его кто-то убил на святках. Именно тогда, когда я принципиально, вопреки традиции свожу общение к минимуму, прекращаю суетиться и, в сущности, ненадолго очеловечиваюсь. Какое безобразие! Уж с этакой-то новостью друзья – приятели могли бы пробиться через все условные заграждения. Хотели посмотреть на мои корчи, когда до меня до последней дойдет

нечто сногсшибательное? Уже не получится, спасибо Виктору Николаевичу. Кстати, его обращение ко мне означало, что убойщики в теснейшем и темнейшем тупике. В иных ситуациях полковник о делах своих праведных молчит, как неродной.

И тут я прекратила соображать и начала осознавать. Сашка Косарев ни убить, ни заказать никого не мог. Получалось, что земного бытия лишили его – безумно богатого, да, но светлого, легко раздающего свое направо и налево. Не гуманно, по меньшей мере, по отношению к сиротам и инвалидам, которым он щедро помогал. И вообще, у кого рука поднялась? На Сашку! Уму непостижимо, зато душу вдруг защемило адски. Я схватилась за телефон.

– Поля, не спеши, – медленно попросил Измайлов, открыв глаза. И то была медлительность не сонного, но милосердного мужчины. – Разумеется, ты уже нарушила сове табу, подключилась к связи, и сейчас грянет твоя внесвяточная жизнь. Но я не все тебе сказал.

– Ты мне ничего не сказал. Что с Косаревым?

– Убит.

– И что еще сейчас можно говорить? – завопила я, раздираемая единственной потребностью – спрашивать народ. Ведь с полковником этот номер не проходит. Ему почему-то всегда надо только отвечать.

– То, что их с женой вместе... В спальне...

Меня даже на короткое горестное восклицание не хвати-

ло. И Валю тоже? Обоих весельчаков, симпатяг, знатных гостеприимцев разом? Хотя друг без друга они жить не собирались. Даже ездили и летали всюду вместе. Дескать, если суждена гибель в какой-нибудь катастрофе, погибнем вдвоем. Об этом же все знали! Мне стало на миг легче.

– Вик, это случайные грабители, – не совсем своим голосом заявила я. – Ни один, хоть раз пообщавшийся с Косаревыми, не покусился бы. От них радость исходила. Они ею любого подзаряжали. Они столько людей избавили от грехов уныния и отчаяния, ты себе представить не можешь.

– Поленька, а я завел бы речь о Косареве, будь это ограбление?

Измайлов, вероятно, щадя остатки моего разума и своего профессионального самолюбия, дозировал информацию.

– Ты хочешь сказать, их убили ночью в супружеской спальне и ничего не украли? – жалобно спросила я, подсознанием понимая, что вместо способности понемногу, строго отмеренными Виком порциями, воспринимать суть, стремительно тупею и в сознании окажусь еще не скоро.

– Именно. Ничего, – мрачно ответил Измайлов.

– А если грабители взяли часть? – проявила полное неумение без сопротивления переключаться со сносного на худшее я. – Сколько бы вы в доме ни нашли, там могло быть гораздо больше.

– А смысл? Коли уж убил, зачем отказываться от пяти тысяч долларов и кредиток?

– Чтобы вас запутать, разумеется.

– Для этого и пяти тысяч оставленных рублей хватило бы. Не миллионер же их собственными руками убивал. Потом, близкая подруга покойной заявила, что все драгоценности на месте.

– Кто их все подругам покажет, Вик? – возразила, было, я. И со стоном признала: – Только одна Валя и могла. Нараспашку жила.

– Второй раз замкнули круг с грабежом. Вырывайся уж из него, детка. Рассказывай о Косаревых.

До меня, наконец, дошло главное. Ребята Вика сделали все – соседей опросили, родных и знакомых потревожили, офисы перетрясли. Это только кажется минутным делом. В действительности то, что привиделось «в это самое время» тете Мане и послышалось дяде Мите, надо проверять у других тетей и дядей. Да не введет никого в заблуждение лексика коммуналок. Везде есть такие Мани и Мити, пусть и щеголяют они в бриллиантах и откутурных галстуках.

– Вик, как это произошло? – спросила я. – У меня сейчас с головой беда, я связно выражаться не могу. Начинай ты, я пока с мыслями соберусь.

Измайлов посмотрел на меня долгим коктейльным взглядом. Неодобрение и жалость в нем присутствовали явно, нетерпение чувствовалось, в остальных ингредиентах разобраться я не успела. Полковник счел за лучшее отвести глаза и дать мне возможность очухаться.

– Господа Косаревы позавчера около полуночи вернулись с вечеринки, мирно легли спать, сексом не занимались...

– Откуда тебе последнее-то известно, ясновидец?

Я пыталась насмешкой оградить себя от того, что о Косаревых теперь можно говорить все, не заботясь о приличиях. Попытка не удалась. Пришлось промямлить:

– Ах, да, судмедэкспертиза.

От того, что с их телами теперь и делать, что угодно можно, стало еще гаже. Измайлов явил высокопробный образец смирения, продолжив:

– Утром шефа не дождались в головном офисе, что само по себе явилось для приученных ходить по струнке подчиненных стрессом. Ни домашний, ни сотовый телефоны не отвечали. Это уже был шок. Заместитель поехал к нему и обнаружил закрытую, но не запертую дверь в квартиру и два трупа в спальне.

– А он прямиком в спальню направился от незапертой двери?

– Не трудись, Поленька. Парень чист, если я хоть что-то смыслю.

– И все-таки, – уперлась я, рискуя его оскорбить. – Элегантный ход – убийца находит трупы.

– Начиталась, – проворчал Измайлов. – Насмотрелась. Сколько раз тебе повторять, детективы и сериалы ничего общего с сыском не имеют.

– Есть и высокие образцы, – заступилась за жанр я.

– Нет, – отрезал убойщик. – Звал он хозяев. Снял в прихожей ботинки...

– Как трогательно.

– Ходил из комнаты в комнату, пока не набрел на нужную...

– Это такой специфический полицейский юмор насчет нужной комнаты?

– Слушай, я уже жалею, что сказал об убийстве, – взорвался Измайлов. – Узнала бы сама дня через три, включив телефоны. Я нечасто обращаюсь к тебе за информацией, Поленька. Хотя источник ты бездонный. Иногда сам себя спрашиваю, почему.

– Гордыня проклятая, – подсказала я.

– Нет. Просто себе дороже выходит.

– Ладно, извини, это я от растерянности.

– Ты и растерянность? Несовместимо. А я просто подумал, вдруг тебе известно о Косаревых нечто, неведомое другим их приятелям. Ты девочка чуткая, наблюдательная, нахальная, умеешь вызывать на откровенность.

– Я не нахальная, я последовательная.

– Не будем увязать в спорах о терминах. Нам зацепиться бы за какой-нибудь сучок. А то все гладко-гладко. И расследовать надо. Представляешь, что в начальственных кабинетах творится, – сердито бубнил полковник.

– Тогда хоть просвети, в каком состоянии расследование, – мирно попросила я и погладила Вика по руке. Она

была горячей и сжатой в кулак.

– В паршивом, – признался он, но не расслабился. – Понимаешь, их очень странно убили. Подмешали в вино сильноедействующее снотворное – лошадиную дозу. А после, спящих, задушили подушками.

– Что, что? – поразилась я. – Кто из нас грешит неумным чтением детективных романов, Вик? Вино, снотворное, подушки... Это какой век?

– Любой, наверное, – пожал плечами Измайлов. – Вообще-то способ бесшумный, надежный и довольно быстрый. И справиться с обоими может один человек, даже физически слабый – старик, женщина, подросток.

– И самообслуживание не исключено. Выпил усыпляющего, подушку на лицо, и вечный покой. Сначала снится, потом наступает.

– Случается, представь себе. С молодыми, здоровыми и богатыми. Только еще ни одному трупу не удалось вернуть подушку с лица под затылок.

– Вик, а почему убийца дверь не запер? Их долго искали бы.

– Значит, хотел, чтоб надолго.

Он так меня озадачил, что даже холодное ощущение кошмара ослабело. Но не настолько, чтобы восстановились мыслительные способности. Поэтому я продолжала задавать вопросы. Полковника они все заметнее раздражали, но он держался.

– Вик, следы борьбы были? Неужели они так крепко за-
снули?

– Так крепко. Следов борьбы не было. Идеальный поряд-
док. Только в кухне два бокала и открытая бутылка, из ко-
торой отлито вина на два полных бокала. Снотворное было
только в них.

– А какое вино?

– Поленька, таким заинтересованным тоном про вино
спрашивают только алкоголики, – продемонстрировал норов
Измайлов. – Бордо. Не слишком дорогое для господина Ко-
сарева, мягко говоря.

– И в бокалах оно же? – все не удавалось унять мне.

– И в бокалах, – процедил Вик.

– Невероятно, – наконец, употребила утвердительную
форму я.

– Вынужден согласиться.

– А в твоей практике были похожие убийства? Или хоть
отдаленно напоминающие?

– Опять. Я уже обрадовался, думал, ты перестала спра-
шивать. Яд в вине был, удушение подушкой было, сочета-
ний не было, – устало сказал полковник. – Я полагал, что
это – книжный вариант. Несведущему человеку такая смерть
представляется легкой. Но это не правда. Удушье всегда му-
чительно. Обогастил кто-то мою практику. Так ты расска-
жешь о Косаревых?

– Немного. Но выложу все, как на духу. Если понадобится-

ся, расспрошу общих знакомых. Найди этого подонка, Вик. И не злись, последнее. На какой вечеринке они веселились и с кем?

– На домашней с тремя деловыми партнерами и их женами. Все прошло чинно и мило.

– С деловыми... Тогда понятно.

– Что? – вскинулся Измайлов.

Вот это реакция! А я собралась предложить ему выпасться, утром встать на полчаса раньше, чем обычно, и договорить.

– Видишь ли, милый, Саша с Валеј не были ханжами. И в гостях пили так, чтобы дома не добавлять. Я, откровенно говоря, удивилась их обоюдному желанию принять на грудь в полночь. Но посиделки с партнерами имеют свои особенности. Ребята могли не добрать из осторожности.

– Вот-вот, ради таких деталей я и затеял разговор. Слушаю тебя внимательно.

– Ты сейчас работаешь, да? – неожиданно вырвалось у меня.

Голова разболелась, почему-то заныло левое колено и захотелось плакать.

– Поленька, давай выспимся, утром встанем на полчаса раньше и договорим, – строго сказал Измайлов.

Со всхлипом: «Ты читаешь мои мысли», я повисла на шее любимого полковника. И ему все-таки пришлось разжать кулаки. А в шесть утра мне пришлось выполнить свое обеща-

ние.

Глава вторая

Однажды в юности моя любознательная мама вычитала в какой-то брошюре, раскрывающей жуткую сущность акул капитализма, забавную фразу: «Он выбрал самый легкий путь к богатству – родился богатым». Похихикав над словом «выбрал», слегка одурманенная конспектированием материалов партсъездов и трудов основоположников марксизма-ленинизма, но бесшабашная по натуре девушка вдруг не очень по-комсомольски подумала: «Везет же! И денег куры не клюют, и ни в чем не виноват. Никого по потогонной системе Тейлора не эксплуатировал, ничего не крал». И испытала зудящее чувство зависти к неповинному в своем громадном капитале американцу.

Так вот, Саша Косарев тоже не ошибся материнским чревом и родился богатым. А к моменту окончания учебы в Англии был уже очень и немодно богат. Это Сашино определение – немодно. Потому что за его «предками» никто никогда с горячими утюгами не бегал, и снайперов именно на них не напаслись. А ведь практически все, с кем он сейчас имел дело, либо так или иначе унаследовали деньги павших товарищей, либо чудом избежали отстрела, вовремя уехав за границу и отсидевшись там в пору полного беспредела.

Можно было предположить, что родичи Саши сами орудовали электроприборами или нажимали мозолистыми

пальцами на курки. Но мимо, мимо. Просто его прадедушки и дедушки и по отцовской, и по материнской линиям с юности до глубокой старости занимали должности выше средних в административно-хозяйственных структурах при всех правительствах. Отец Саши твердо шел по их стопам, но уже знал, куда безопасно и выгодно вложить деньги. Бизнесом-то люди занимаются не только во чистом российском поле, но и за надежными кремлевскими стенами.

Сашу на семейном совете решили в АХЧ не пристраивать. Клану нужен был не госчиновник, а вольный предприниматель. Один из дедов, благословляя, сказал ему:

– Теперь, малыш, мы в тылу, ты на передовой. Но качество тыла у тебя непревзойденное.

Молодой Косарев не раз убедился в этом. Он отвоевывал свои миллионы комфортно, не имея нужды озираться, глядя только вперед и неизменно убеждаясь в точности разведанных. В нем счастливо уживались стратег и тактик, удалец и рационалист, трудоголик и медитатор. Он был талантлив и со связями, этим все сказано.

Опять же неумная моя мама, заметив недавно, что я «какая-то поникшая», пересказала мне слышанную по радио историю. У нее одно средство от хандры, признаки которой она замечает в людях задолго до того, как они их почувствуют, – рассмешить. Так вот, спасатели МЧС выловили из вырубленной моржами проруби троих подростков. По дороге в больницу выяснилось, что детишки вышли на тонирующую

щий морозец обсудить свои сердечные проблемы. После обсуждения Ира бросилась в ледяную воду, потому что Коля ее больше не любит, а любит Лену. Коля сиганул за отвергнутой подружкой с воплем: «Если Ирка умрет, я жить не останусь»! А счастливая его избранница Лена без колебаний бултыхнулась следом, ибо «не могла смотреть, как Коля тонет вместе с этой дурой Иркой».

В юности Саша Косарев вполне мог оказаться в подобной ситуации, влюбляясь часто, буйно, до умопомрачения. Трижды он был настолько близок к самоубийству по страсти, что не находил иного объяснения собственному существованию, кроме: «Бог миловал». Опытным путем он установил максимальную длительность своих увлечений сильного накала – полгода. И перестал мечтать о любви до гроба. Поэтому, когда его хитроумные дедушка с бабушкой решили привлечь к делу выгодного, но осторожного и разборчивого инвестора, женив Сашу на его дочери Вале, мальчик не стал противиться. Рассудил: все равно запредельное чувство вот-вот уляжется, так пусть сразу будет штиль. Валя, окончившая медицинскую академию, по замыслам родных должна была возглавить свой частный лечебный центр, чего совсем не хотела. Саша был ей до лампочки, но она благосклонно отреагировала на его стандартные ухаживания. Надеялась, что замужество избавит ее от ответственности за вложенные в бизнес укрепления здоровья нации деньги семьи.

Молодые циники расписались, обвенчались, украсили со-

бою грандиозный свадебный банкет. И в первую брачную ночь, хорошо выпив наедине шампанского, решили не пренебрегать близостью. К утру влюбились друг в друга намертво. В буквальном смысле – не ощущали, что живы, когда хоть неожиданно ставший самым дорогим голос по телефону не слышали. Им было чудесно вдвоем. Поэтому, когда предприимчивые родственники мощным хором затянули песню о детях, Валя предпочла открыть медицинский центр, лишь бы отстали на несколько лет.

– Дайте сначала самореализоваться профессионально, чтобы было, о чем рассказать этим самым детям, – потребовала она.

Семейство Косаревых пробовало возражать, но Валина семья встала на сторону своей разумной и небездарной наследницы. Конфликт зрел под толстой кожей укрупнившегося клана медленно и болезненно. Вскрыл его Саша скальпелем одной фразы:

– Я сделаю ребенка тогда, когда сделаю.

Без наркоза обошелся, но все стерпели.

Любовь – это общее название множества чувств и ощущений. Она у всех разная, в зависимости от того, что из этого множества преобладает. Поэтому, если человек «тоже любил» или любит, не факт, что он поймет вас полно и правильно. Даже любящие друг друга чувствуют неодинаково. Саше с Валею повезло, у обоих доминировала радость. А она способна привести к гармонии все, даже саму себя. И коли «лю-

бловный пламень» – устойчивое словосочетание, то можно сказать, что чета Косаревых не разжигала костра, не поддерживала огонь, неустанно подтаскивая найденные или ворованные горючие материалы, не защищала его от ветра и дождя и не боялась перекидывания на ближайшие деревья. Пламень этих ребят напоминал скорее газовую горелку хорошей плиты в роскошной кухне – тепло, красиво, безопасно и легко регулируется. При желании можно увеличить подачу газа до упора. И тогда над голубыми язычками вспыхнут алые венчики. Как отблески костров, запаливаемых людьми, в любви которых преобладает не радость, а нечто иное.

Поскольку Саша с Валею не стремились к тому, чтобы искры их костра долетали до облаков, у них доставало сил вскипятить на своем ровном газовом огне чайник для друзей, а то и приготовить обильный праздничный обед. Просто говоря, они безотказно помогали попавшим в переплет человекам. Таково основное свойство радости – не переваривается, но излучается вовне и возвращается вновь.

Все это я выпалила Вику на одном дыхании, готовя утренний кофе. Полковник не перебивал, но к моменту упоминания круговорота радости в природе очевидно пал духом и забормотал:

– Так, про газ, чайник, обеды я понял. Стоишь у плиты, ассоциации кухонные.

– Ага, командир, мои заботы бабьи, – обиделась я, потому

что противопоставление пламени костра и газа мне самой очень понравилось, и, по-моему, идеально передавало суть взаимоотношений Вали и Саши.

– Зачем ты мне все это рассказываешь? – продолжил раздражаться Измайлов.

– Для общего развития.

– Мы прекрасно осведомлены обо всех родственниках Косаревых и их бизнесе. Должен заметить, что у тебя о нем романтические представления.

– Тогда хоть про любовь подумай, – вздохнула я. – А то у нас с тобой ни костер, ни газ, а какой-то самостийный степной пожар получается.

– Про любовь с твоего позволения чуть позже. Поленька, давай без философии, по существу. Враги у них были?

– Как же без философии, если люди невероятно подлы, Вик? Знаешь, есть выражение: «Слишком хороший человек». Это про ребят. Одни в таких увлеченно выискивают изъяны, другие искушают, третьи, получается, уничтожают. Но открыто с Косаревыми никто не враждовал.

– Я бы тоже не отважился, – разочарованно буркнул полковник. – И тебе не посоветовал бы. Хотя мои советы для тебя мало что значат.

– Зануда ты, Вик. Они нашему знакомому, то есть его умиравшему ребенку, оплатили две операции в Германии. Спасли. Однокласснику, когда он судился с родственниками из-за квартиры, нашли за свои деньги толкового адвоката.

Тот раскопал в Вологде какую-то справку, и парень с семьей не остался на улице.

– За гонорар от Косарева адвокату справку было проще купить.

– Перестань. В любом случае Саша с Валея не заставляли его это делать. И все понимали, случись что, Косаревы – последняя надежда. Ну, а тайная ненависть на то и тайная, чтобы о ней знал только ненавистник.

– Ладно, друзья особо близкие, доверенные лица?

– Это ты к тому, что кто-то должен был притащиться с ними ночью, подсыпать в бокалы снотворное, дожждаться, пока уснут, то есть не чужой человек? Тут я тебя разочарую. Не было у них особо близких и доверенных. Всегда существовала грань, которую они никому не давали перейти. Это часто бывает с тем, кто слишком занят друг другом, слишком связан родственными узами, слишком загружен работой. А тут – все вместе сразу. Пожалуй, Лиля Сурина и Аня Минина дружили с Валея, а Егор Бадацкий с Сашей. В наиболее соответствующем значению слова дружить смысле.

– Видишь, пошло дело. Родственники в качестве душеприказчицы назвали нам некую Ольгу Суховой.

– Нет, она замещала Валю в Центре, нареканий не вызывала. Не то. Скорее, соратница, чем подруга.

– Теперь я тебя разочарую, детка, – сказал Измайлов тоном, каким зачитывают приказы о премировании сотрудников. – Никто с Косаревыми ночью не притаскивался. У нас

есть свидетели, которые видели, как они вернулись домой. Служитель гаража клянется, что люди приехали вдвоем в хорошем настроении. Охранник в холле подъезда подтверждает это. А сосед по лестничной площадке возвращался с собакой, поздоровался, сразу пожелал спокойной ночи. Они как раз отпирали дверь, и с ними чужих не было.

Измайлов посмотрел на часы. Если бы я не заторопилась, успела бы подумать, стоит ли открывать рот. Хотя при моей склонности сначала делать, потом говорить и уж после думать, результат скорее всего был бы тем же. В общем, я ляпнула:

– Значит, кто-то ждал их внутри. Или явился немного позже. Между прочим, ключи есть у домработницы Илоны. Бадацкий обретался у них два месяца, когда возвратился из Америки. Продал в Москве все, думал, приживется в Нью-Йорке, но не сумел. Пока квартиру купил, пока отремонтировал. Наверняка пользовался ключами, мог сделать слепки на память.

– Сосед, когда выгуливал собаку, смотрел на окна. Свет у Косаревых не горел. Если бы они кого-то у себя оставили...

– Может тот, кого оставили, спать лег?

– Поленька, достаточно. Я проникся. Они человеколюбивые, отзывчивые, добрые. Но все-таки не об обитателях панельной двушки с толпой беспробудно пьянствующих родственников речь.

Я понуро кивнула. Гостя, которого пустили на ночлег,

вряд ли отправился бы на боковую, не дождавшись хозяев. А они возвратились домой еще до полуночи. Вариант, при котором некто проник в квартиру и, не включая света, сюрпризом их подждал, тоже никуда не годился. Оставался поздний визитер. О чем я и сообщила Вику.

– Да, там охраннику позвонили и сказали, что жена рожа-ет. Сменщика он по телефону не нашел, на свой страх и риск бросил пост на пару часов. Оказалось, с беременной женой все в порядке. Кто-то то ли жестоко пошутил, то ли отомстил нервотрепкой, то ли выманил из подъезда. Спасибо за завтрак. Особая благодарность за то, что, вернувшись в разум, поведала о друзьях и домработнице. Доступ к ключам – это интересно. Я побежал.

Измайлов поднялся, чмокнул меня в нос и ринулся к вы-ходу.

– Вик, все же проверьте, не светились ли окна Косаревых, когда их не было дома. До выгула соседской псины, – твердо потребовала я.

Полковник обернулся и нежно сказал:

– Делать нам больше нече...

Тут его качественно перекосило, и он по слогам произнес:

– Про-ве-рим. Не смей лезть в это де-ло. Доб-ром пре-ду-преж-даю.

– Удачи, милый, – проворковала я. – Не полезу, не бойся. Как ты верно подметил, я вернулась в разум. Это преступ-ление мне не раскрыть. А вам, как говорится, помогай Бог.

Остальные будут только мешать.

– Почему? – озадачился Измайлов, стоя в прихожей – одна нога в тапочке, другая в ботинке.

– Скандал чую, – честно сказала я.

– Убийство – это всегда скандал, – назидательно бросил полковник.

И совершил первую свою ошибку. Потому что скандал скандалу рознь. В тот, который подразумевал Вик, нельзя было ввязываться. В том, который предрекала я, необходимо было увлеченно участвовать. Истина нередко спрятана внутри скандала. И, если не отвлекаться на себя – как я их всех раскусила – ее можно отыскать.

Глава третья

Мы с Измайловым соседи. Он обитает один в двухкомнатной квартире на втором этаже. Я с шестилетним сыном Севой в двухкомнатной же на третьем. Весь январь Севка принадлежит своему богатому отцу. И август тоже. Мы с мужем расстались по моей инициативе, но по-человечески. Он убежден – «жены бывшими не бывают». Что тогда говорить о единственном пока сыне. Отец его деятельно воспитывает и фанатично развлекает. Происходит это своеобразно. Январь и август Севка проводит за границей, чтобы впитать максимум приятных впечатлений в нежном возрасте. Естественно, бывший благоверный не в состоянии выкроить на отдых с ним больше недели. Утверждает, что если не делать деньги непрерывно, скоро их не хватит на бензин добраться до дачи. Поэтому наше чадо путешествует с моей мамой, у которой зять тоже никогда не перейдет в разряд бывших. Не из-за презренного металла – мама всегда умела вдохновить папу на достойное содержание семьи. Просто они дружат. Мама искренне ценит удачливых и умных. Умные и удачливые благоволят тем, кто их искренне ценит. Это – надводная часть айсберга, а что в пучинной – неизвестно. Скорее всего заговор о воссоединении нас с эксом. И я, как трагический «Титаник», сталкиваюсь с этой глыбой и разбиваюсь, сталкиваюсь и разбиваюсь.

«По Измайлову с его ассоциациями выходит, будто, рассказывая о Косаревых, я постоянно приплетала свою маму, потому что успела соскучиться по ней и Севке», – подумалось мне. Взгрустнуть я себе не позволила, дабы не распускаться. Вымыла у Вика посуду, поднялась в собственную квартиру, нарядилась спортсменкой, пробежалась, сделала гимнастику, приняла контрастный душ, накрутила волосы на бигуди, наконец-то съела яблоко и выпила кофе. Все это время я играла в действительно избавляющую от помыслов игру. Пришло на ум нечто из прошлого, строго скажи себе: «Вчера». Перекинулась на будущее, осади: «Завтра». Несколько минут бурления потока сознания в этих границах, и он иссякает. Правда, ни единой мысли не остается, ибо любая мигом оказывается в копилке «проехали» или «после». В таком состоянии блаженного пустоголовья я вдруг сняла бигуди, высушила волосы феном, оделась и вышла на улицу.

Там кружил невесомый снежок. И неподвижные слоистые облака висели клочьями, будто выпавшие из них осадки оставляли дыры навечно. Разумеется я поволоклась к дому Косаревых, веря в то, что, как и обещала Измайлову, не лезу в это дело, а просто потакаю своим невнятным безрадостным эмоциям. «Мне, порывистой и не обделенной воображением, вполне позволительно искать настроение не только в реальных внешних событиях, но и в умозрительных внутренних впечатлениях, которые возникают, не поймешь, как, и не предугадаешь, где, – оправдывалась я, будто полковник

или его оперативники уже застукали меня в непосредственной близости от места преступления и вынуждали заговаривать им зубы. — Кроме того, прежде чем общаться с приятелями по поводу убийства Саши и Вали, на благо расследования, между прочим, я должна четко осознать — их больше нет в мире. Вот поброжу вокруг дома, в который отныне незачем заходить, может, всплакну, и действительность обретет четкость. Пока все так размыто. А я, как любой человек с отличным зрением, привыкла видеть детали. Без них мне не по себе. Только неуверенности, страха и дезориентации в жизненном пространстве не хватало. У нас народ, чуть хандра накатит, начинает стонать: „Ах, депрессия“. Не дай Бог узнать, что она такое на самом деле. Я знаю, поэтому не жалею сил и времени на профилактику».

Результатом подобных рассуждений, быстрого шага и толчеи в метро стало необоримое чувство голода. Памятуя о том, что нарушение диеты тоже проверенная профилактическая мера против депрессухи, я зашла в булочную, как-то уютно соседствующую с домом Косаревых, накупила сдобы, вкус которой давно забыла, и затарилась соками. От пакета отказалась, понадеявшись на размеры своей сумки. Но то ли мне приснилось, будто она широкая и глубокая, то ли я перестаралась с плюшками. Съестные припасы низкохудожественно распирали коричневые кожаные бока и довольно живописно торчали сверху. «А, ладно, все равно хоть половину слопаю», — решила я и пристроила свою отяжелевшую

торбу на плечо.

Есть на ходу я умею, а вот пить даже через соломинку нет. Поэтому хождение по знакомой округе пришлось предварить устройством на скамейке, расположенной метрах в ста от подъезда Косаревых. Специально выбрала дальнюю, да еще и спиной к их дому повернулась, иначе вожаделенные кусок и глоток в горло не лезли. Я дожевывала первую ванильную булочку и потягивала ананасовый нектар, хваля себя за то, что не начала с абрикосового, когда сзади раздался сиплый мужской голос:

– Хлебушком не поделитесь?

– Святое, поделюсь, – сказала я и обернулась.

Потом вскочила, чтобы поддержать за локоть высокого полного мужика, который осуществлял попытку плюхнуться в сугроб мимо скамейки. – Слушайте, а вы уверены, что нуждаетесь в пище, а не в реанимации?

Он очумело посмотрел на меня, заметил в руках коробку с соком, выхватил и шумно, одним отчаянным втягивающим движением щек вобрал в себя все содержимое. Я торопливо сунула ему слойку. Она была завернута в целлофан. Человек впился в нее зубами, не попытавшись раскутать.

– Да погодите же секунду! Наедитесь упаковочных материалов, точно коньки отбросите, – посулила я.

И попыталась отобрать хлебобулочное изделие. Не тут-то было. В отчаянии я выдернула из сумки абрикосовый сок. «Как бы он не сгрыз его вместе с тарой», – промелькнуло

в голове. Мучимый голодом и жаждой страдалец обеими руками потянулся к питью, уронив на колени еду. Я отступила на шаг и все-таки успела воткнуть в затянутое фольгой отверстие трубочку. И, стараясь не смотреть, как он пьет, принялась освобождать от оберток всю сдобу.

После персикового нектара и рогалика с повидлом мужчина обрел благословенный дар речи вместе с горячечным желанием им воспользоваться. Он мало походил на бомжа. Алкоголик, да, но одет прилично, упитан избыточно, холёные длинные пальцы знакомы с инструментами маникюры. Судя по тому, как он пил, можно было говорить об обезвоживании организма. Но при этом лицо человека было настолько отекившим, что я не взялась бы определять его возраст. Пугающая бледность и жесткая рыжая щетина довершали этот не самый приятный облик. Однако представить его румяным и выбритым удавалось. «Рыжие рано седеют, – подумала я по привычке торопить события и измышлять то, что легче было бы спросить. – Следовательно, он молод».

– Благотельница, у вас от головной боли в сумочке ничего не завалялось? – спросил он гораздо более мягким и звучным голосом.

У меня завалялось от другой боли, но, рассудив, что главное – она, а не место ее возникновения, я достала таблетку.

– Лучше две, – быстро сказал он.

– Хоть три. Вы уверены, что обойдетесь без врача?

– Какой сегодня день?

– Среда. Утро.

– Значит, траванулся я в ночь с воскресенья на понедельник. Как приятно, когда амнезия отступает. Верите ли, очнулся в подвале, не помнил абсолютно ничего. Испугался очень. Задайте мне какой-нибудь вопрос, сделайте одолжение.

– Как вас зовут, кто вы по профессии, где живете, что с вами стряслось? – не стала скромничать я.

– Да, точно, на основное настроили. Попробую ответить. Я, Соколов Илья Дмитриевич, семьдесят третьего года рождения, страшно сказать, дитя прошлого века, художник, выступаюсь и продаюсь. Не то чтобы очень. Но успешно халтурю в дизайне, деньги есть. Год назад купил небольшую квартиру во-он там, – показал он на дом Косаревых. – Время от времени запиваю на пару недель, заметьте, благотельница, сознательно.

– Пожалуйста, Илья Дмитриевич, не называйте меня благотельницей.

– Давайте без отчества. А как прикажете вас называть?

– Полиной.

– Полина, вы позволите еще булочку? Одна осталась. Наверное, в семью несли.

– Хотите, верьте, хотите, не верьте, но предназначала я их все себе. Размечталась обожраться и помереть молодой. Вы меня спасли. Берите, берите. Вот последний апельсиновый сок. Может, еще чего-нибудь купить? Сыра, колбасы, мине-

ралки?

– Нет, благодарю. Дома у меня полон холодильник. На чем мы остановились?

– На сознательных запоях.

– Именно! Понимаете, месяца за три – четыре все так осточертевает. А поквасишь несколько дней до одурения, потом кротко примешь похмельные страдания и, будто вчера родился. Никаких претензий к року. Уже то, что не трясет, что ванну принимаешь, что ешь – блаженство. Даже телевизор доставляет удовольствие. А как пишется! Но после воскресного эксперимента я, пожалуй, закодируюсь и передохну годик.

– Полироль попробовали?

– Будете смеяться, но боком мне вышло дармовое Бордо.

При этих словах Илья показался мне невероятно симпатичным типом. Начал он мне нравиться, так, на всякий свидетельский случай, когда небрежно показал пальцем в сторону своего дома. Но упоминание Бордо расположило меня к этому одутловатому творцу совершенно.

– Неужели и французские вина подделывают?

– Наверняка. Но тут, Полина, я сам виноват. Потянуло работать. Решил выбираться из запоя, день продержался на рассоле, но в половине второго ночи или около того смалодушничал и выполз опохмеляться. На улице понял, что переоценил свои силы, – ноги дрожат, лоб в испарине, руки ходуном ходят. Завернул за угол, хотел дойти дворами

до круглосуточной лавки с пивом. Была оттепель, и такой мерзкий ветер продувал до души. А в душе – хаос. Смотрю, какой-то мужик ставит в мусоросборник бутылку. Не кладет, подчеркиваю, не бросает, а ставит. Потом садится в машину и уезжает. Я, Полина, верю в милосердие Неба по отношению к художникам. Ну, от кого нам еще добра ждать? И пьяный не брезглив. С кем только из горла не пил, за кем только не докуривал. Тоже, знаете, чтобы заставить себя ценить проклятые материальные блага. Злоупотребил, отойдешь немного, и собственный дом, качественное спиртное, дорогие сигареты уже не кажутся отвратительной помехой творчеству. Потому что выстрадал все... Я съем булочку и выпью сок.

– Пауза вам не повредит.

– Вы все тонко понимаете. Многие нашего брата, за которого профессию выбирает диагноз, осуждают, – пожаловался Илья.

И принялся за остатки выпечки. Я же впала в редчайшее для себя состояние экономии интеллектуальной энергии. Ни о чем не размышляла, ничего не загадывала и не просчитывала. Просто сидела и всем тленным и бессмертным в себе понимала: я раскрыла убийство Вали и Саши Косаревых. Случайно и легко. Сейчас Илья доест, опишет мужика, расставшегося с отравленным огромной дозой снотворного вином, его машину, и полковнику Измайлову со товарищи нечего будет делать.

– Вы курите? – спросил Илья. – Простите, надоел я вам. То хлеба дай, то таблеток, то сигарету. Может, пойдем ко мне? Там тепло, еда, водка, будь она неладна. Вспомнил, куда бутылку спрятал. Представляете? В воскресенье все перевернул и не нашел. А сейчас осенило – под матрасом должна лежать.

– Лучше останемся на свежем воздухе. По-моему, вы в нем оживаете. Вот сигареты.

Мы закурили. Я неожиданно нервно, Илья со стоном облегчения. Сказал смущенно:

– Я уж дорасскажу, даже если вам скучно. Повторить эту повесть наверняка не смогу, но сейчас распирает.

– Конечно, конечно, – по возможности весело сказала я и мрачно подумала: «Попробуй не дорасскажи. Еще и „на ряд вопросов“ ответишь».

– В общем, я кинулся к контейнеру. Нащупал рукой бутылку, аккуратно приподнял – больше чем наполовину полная. Понюхал – вино. Возблагодарил Небеса и поволок добычу под фонарь, с той стороны дома, где мусорка, темно-вато. Разглядел этикетку – Бордо. Бог меня не просто выручал, а баловал. Сколько всякого чудесного во мне восстало и заплясало, Полина! И как благословение нового замысла я это событие расценил, и как приметку грядущих больших денег воспринял. Расчувствовался, поклялся не ходить за добавкой, допить дарованное и завязать. Сделал два полноценных глотка, закурил. Еще раз приложился. И, представляете,

оступился. До сих пор помню, нет, ощущаю, как бутылка выскальзывает из пальцев и летит, гадина, не на снег, а на бетонное основание фонаря. Как брызжет в разные стороны стекло и, блестя, разлетаются осколки. Кино, словом. Крупный план. А у меня по щекам в буквальном смысле обильно льются слезы. Через минуту я сообразил, что это не слезы. Дождь зарядил и сильный. Мне же отчего-то на невосполнимую утрату плевать, и в сон потянуло неимоверно. И снова я обрадовался – похмельная бессонница и кошмары замучили. Поволокся домой. Вроде, открыл дверь подъезда. Почему-то в квартиру на второй этаж пришлось не подниматься, а спускаться. И тахта стала жесткой-прежесткой... Недавно меня растолкал слесарь. Выматерил. Оказывается, в подвальной двери замок сломался. Он ее проволокой как-то хитро замотал. Так я мало того, что распутал все узлы, так еще, войдя, изнутри умудрился закрутить. Мое счастье, что заснул в тепле.

– Ваше счастье, что проснулись, – поежившись, добавила я.

– Правда. Все-таки фортуна ко мне благосклонна, – вновь завелся любимец высших сил.

Я осадила накатившее раздражение своевременной мыслью: «А вдруг он так себя подбадривает. Сам же сказал, что от людей слова доброго не дождешься». И дружелюбно поддержала:

– Более чем благосклонна, Илья. Значит, вы полагаете,

что отравились вином. Но ведь раньше вы отдали должное другим напиткам. Может, эффект вызван их сочетанием?

– Полина, я почти сутки отпивался рассолом. Разве что сочетание с ним организму не понравилось. Нет, в вине что-то было. Оно откровенно горчило, но я в Бордо не разбираюсь, думал, так и надо. Мне повезло, не выхлебал все. Есть, есть Бог. И я, грешный, Ему еще зачем-то нужен.

Я начинала по-черному завидовать его непоколебимой уверенности в собственной значимости для Небес. Они не могли без него обойтись, комплекс неполноценности испытывали. Перебила:

– А вы запомнили мужчину, который поставил бутылку в контейнер? Машину, марку, цвет, номер? Он вас чуть не спровадил на тот свет. Думаю, его можно и нужно найти и наказать.

– Вряд ли, Полина. Вокруг было темно, мне было очень плохо. Нет, ни мужчину, ни машину я не вспомню. О высоком думал, до деталей ли. Даже не представляю, с какой стороны он появился. Да и не доказать мне, что он оставил это пойло. Скажут, глюк, белая горячка. Ух, ты, а он сам жив? Выпил не меньше, чем я, и за руль. Самоубийца, наверняка.

– Интересная мысль, – пробормотала я. – Убийца, он же самоубийца.

– Перестаньте, Полина. Я жив!

В окрепшем голосе Ильи Соколова зазвучало торжество. Но кожа на глазах желтела, взгляд не прояснялся.

– А ведь вам необходимо скорую вызвать, – вырвалось у меня.

– Я бы не отказался от медицинской помощи, – понурился он. – Мутит сильно. Но боюсь, в психушку упекут.

– С какой стати? – возмутилась я. – Вы не в лучшей форме, спору нет, но вполне адекватны.

– Полина, Полина, у нас на пьющих художников врачи однозначно реагируют. Придумайте что-нибудь, выручите.

Я поднапряглась и выдала:

– Вызовите нарколога, частного. Получите ту же капельницу с детоксом, но без лишних вопросов и ехидных комментариев.

– Это идея идей, Полина! – воскликнул Илья. – Я ваш должник за все, что вы для меня сделали.

– Бросьте. Надеюсь, вы тоже не отказываете в хлебе голодному.

Он извлек из внутреннего кармана дубленки смартфон, ничуть не удивившись, что тот на месте, быстро сориентировался в телефонной книге и сказал кому-то:

– Приезжай, выводи из запоя. Только учти, я, кажется, какой-то гадости наглотался. Да не могу я два пальца в рот, я с дамой. Нет, даму выводить не надо. Через полчаса? Тогда я дверь не закрываю.

Я поднялась со скамейки, к которой уже давно чувствительно примерзала. Илья последовал моему примеру, зашатался и зажмурился. Пришлось подставить ему плечо

и почти доволочь до кровати. Он жил в крайнем подъезде, где квартиры были поменьше, охрану заменяли домофоны, но все равно веяло покоем и достатком.

– Как вас найти? – спросил Илья, рухнув в шапке, одежде и обуви на батик светлых тонов.

– Я сама поинтересуюсь вашим самочувствием.

Он с трудом свесился к тумбочке, достал «визитку для избранных» со всеми телефонами и адресами.

– Спасибо большое, Полина. Дверь зафиксируйте, чтобы не захлопнулась, будьте добры.

– Удачи, Илья. Поправляйтесь.

На лестничной площадке я столкнулась с беззаботно на- свистывающим наркологом – узнала по специфическому чемоданчику – и окончательно успокоилась.

Вышла, прогулялась за угол к мусорке, вернулась к ближайшему фонарю. Осколки давно вымели, дождь и снег на- чисто отмыли гладкое бетонное основание. Я не поленилась, сделала полтора десятка шагов до двери в подвал. На ней красовался новый замок. На секунду мне показалось, что я действительно слушала бред тронувшегося с перепоя художника. Более того, мне хотелось бы убедить себя в этом. Некто выбросил бутылку с какой-то жидкостью, пытаемый похмельем пьяница решил, что это спиртное, нахлебался, двое суток провалялся в подвале, чудом остался жив. Обычная, к сожалению, история. Если бы на бутылке не было этикетки «Бордо». И, если бы в этом же доме той же ночью не за-

снули вечным сном, отведав красного вина, два очень славных человека.

Сначала я хотела двинуть домой, сварить кофе и обмозговать рассказанное Ильей Соколовым. Потом решила, что раз уж попала в центр, могу сделать несколько звонков. И нанести – я быстро прикинула количество не шапочно знакомых со мной и Косаревыми людей – четыре-пять визитов. Погода, правда, портилась. Дыры в потемневших тучах были заткнуты пышными белесыми мешками, из которых, по моим соображениям, вскоре должен был начать высыпаться крупный мокрый снег.

«Под статью настроению погодка, – подумала я. – Вот ведь сволочизм, ни ее, ни свое состояние не изменишь». Я лукавила. У моей натуры есть свойство, которое меня смущает. Чем другим хуже, тем мне лучше. Нет, я не радуюсь их горестям и не ликую, от того что по сравнению с ними благополучна. Но, стоит кому-нибудь мне пожаловаться, как я сразу забываю о собственных неприятностях, исполняюсь идеей по преодолению чужих кризисов и сил их осуществлять. Иногда стыдно бывает. Люди в отчаянии, увещаний не воспринимают, пальцем шевельнуть не в состоянии, а я на глазах веселею, становлюсь бравой, энергичной. И, проорав: «Все будет замечательно», начинаю действовать – звонить, бегать, тормозить, сводить, мирить и прочая. И сейчас знала, если установить первый контакт с кем угодно, тоска

тактично спрячется где-то во мне и там, ничем не питаемая, иссохнет.

– Контакт! Есть контакт! – процитировала я вслух каких-то военных.

Проходящая мимо молодая мамочка рывком развернула в сторону коляску и прикрыла грудничка своим хилым телом.

– Спасая дитя от сумасшедших прохожих такими выражениями, вы вывалите его в снег и разобьете, – сурово заметила я.

И поняла, что готова жить дальше. После чего принялась обзванивать со смартфона знакомых художников. Доступным первым оказался Васька, издевающийся над живописью в отместку за то, что ей его учили. Живопись терпит. Более того, временами к Ваське подлизывается.

– Ты Илью Соколова знаешь? – спросила я после взаимных уверений в необходимости чаще видаться в малолюдных местах, где можно по определению Василия «по-человечьи пообщаться».

– Знаю. Не наш человек. Душа на замке.

– Может, он ее только для искусства отпирает?

– Может. Но по искусству я сам великий мастак. Мне человека подавай.

– Ясно. Пьет крепко?

– Люто. Но как-то напоказ. По-моему, Поль, он из тех, кто, нажравшись в тусняке, дома забрасывает горсть таблеток в пасть и ну работать.

– Но иногда по-настоящему срывается?

– Ясное дело.

– Мне, Вась, тоже так показалось. Спасибо, созвонимся.

Убедившись в том, что хорошо отдохнувшая за два дня память господина Соколова его не разыгрывала, я перестала о нем думать. Решила: «Успею еще голову сломать. Легче надо жить, невесомее».

Однако невесомость в тот день моим уделом не стала. Позвонив подруге Вали, Лиле Суриной, на мобильный, я услышала:

– О, Поля! Нашлась! А то у тебя все телефоны выключены. Я думала, ты из города уехала в какую-нибудь командировку. В курсе этого кошмара? Мы с Аней и Егором сейчас в квартире ребят. Ты где? Во дворе?! Так поднимайся быстреей.

И я, ненормальная, поскакала через две ступеньки. Задумалась бы на секунду, как они попали в квартиру, которая должна быть опечатана. Зря, что ли, столько детективов прочитала. Разумеется, дверь Косаревых мне открыл любимец полковника Измайлова Борис Юрьев. Оскалился великолепными зубами и, подражая тону Лили, проныл:

– О, Поля! Лучше бы ты из города уехала.

– Здравствуй, Борис, – тихо сказала я, обещая себе не заводится и не хамить хотя бы первые полчаса. Но не выдержала и прошипела: – Не дожدهшься.

– Ну, тогда заходи, – зловеще пригласил Юрьев. – Нач-

нем с самого начала – трупы, явный висяк и ты собственной нескромной персоной. Все компоненты невыносимой обстановки в наличии.

– И твое злопыхательство в действии, – попыталась отбиться я.

Юрьев лишь самодовольно ухмыльнулся.

– Балков здесь? – спросила я.

– Не дождешься.

– Боря, ты сегодня попугая изображаешь или магнитофон?

– Поля, я сейчас посмотрю, что ты изобразишь.

Мне захотелось специально для него изобразить такое, чтобы еще пару лет во сне от ужаса вопил. Но я знала, напрасный труд. Он холодеет и при виде меня во плоти. И в ночных кошмарах я ему наверняка без дополнительных усилий с моей стороны являюсь. Интересно, покрашенная или нет? Все говорят, что разница невелика. Один Юрьев, увидев на мне тени, тушь, помаду и пудру обязательно произносит: «Все-таки лучшая косметика та, которой не видно». Первое время я в ответ заводила речь о дешевой эрудиции. А потом перестала обращать внимание.

Не представляю, какими были бы наши отношения, познакомились мы где-нибудь подальше от полковника Измайлова. Наверное, могли бы поладить. Борис действительно даровитый сыщик, этаким мыслитель, склонный к озарениям. Его друг и сослуживец Сергей Балков иного склада: переби-

рает факты и сведения, как четки, круг за кругом, пока на десятый, двадцатый, тридцатый раз кожей не почувствует – вот оно, искомое. Борис реактивен, честолюбив, ироничен. Сергей степенен, неприхотлив, добродушен. Они не дополняют друг друга. Просто сосуществуют во взаимном братстве, с годами все меньше споря и все больше делая вместе, но каждый по-своему. Скромный Балков считает себя учеником Измайлова и очень старается быть достойным. Самоуверенный Юрьев «держит» Вика в учителях. И хочет, чтобы наставник стоил его. Полковник, с точки зрения этого то ли наглеца, то ли гения, был близок к идеалу, пока не связался со мной. Чем я плоха? Всем. Ни единого светлого мазка в портрете, даже парадном. Одна профессия чего стоит! И постоянно выносит на трупы, которыми занимается отдел Измайлова. Кажется, Юрьев вбил себе в голову, будто к Вику я прилепилась не по любви, а из корысти. В совершении половины убийств можно было подозревать меня, поэтому близость с полковником очень сэкономила мое время и нервы. Мало того, я смела высказывать предположения, искать улики, расспрашивать людей, денно и нощно думать о преступлении, словом, вести собственное расследование, подло выкачивая из Виктора Николаевича информацию. Борис с ума сходил, не веря ни в то, что соблазненный Измайлов раскрывает мне «тайны следствия», ни в то, что я сама способна их раскрыть. Так до сих пор и мечется в своих страшных догадках, какими методами я раскалываю

Вика. Юрьев в толк не возьмет, зачем мне это нужно. Добро бы вела криминальную колонку. Нет, стараюсь для собственного удовольствия. Следовательно, извращенка. И мудрый чистый Измайлов в меня влюблен? Это оскорбляло Бориса. Слова «Мой Учитель» надлежало писать с большой буквы. Оба. А происки какой-то говорливой Полины умяляли начальную букву второго слова до прописной. И постоянно грозили проделать то же с первым словом, ибо часто мои версии правдоподобней версий Юрьева, и доказательства нахожу я. Да еще на его упреки, дескать, мешаешь сильно, нахально отвечаю:

– А ты мне сильно помогаешь. Я действую по принципу: «Выслушай Борю и сделай наоборот».

С Сергеем Балковым мы дружим. Он выбор наставника уважает, как самого наставника. И, уставая от меня неимоверно, прощает мою заполошность:

– Темперамент у Поли такой. Но она соображает.

Легко представить, что мы с Борисом испытали, столкнувшись на месте очередного громкого убийства. Мы давно ничего не читаем по лицам друг друга, а говорим колкости открытым текстом.

Я скинула дубленку и, не глядя на Юрьева, прошествовала в гостиную. Навстречу мне с дивана поднялись две заплаканные молодые женщины – Лиля Сурина и Аня Минина. Одна была одноклассницей, другая сокурсницей Вали Косаревой. Одна проматывала отступные бросившего ее мужа, другая

аккуратно тратила деньги отца, почти олигарха, как характеризовал его Саша. Более впечатлительная и находящая успокоение в соблюдении ритуалов Аня уже облачилась в траур и испугала меня отсутствующим взглядом. Лиля была одета в джинсы и бежевый свитер, но в глазах плескались непонимание и отчаяние. Они были чем-то похожи – маленькие, стройные, ухоженные, с приятно округлыми носами и подбородками. Это вводило в заблуждение, ибо характер у Лили был не сахарный. Аня же по натуре напоминала конфету: сладко, но никак не поймешь, из чего сделана. Я обмолвилась об этом Саше. Он рассмеялся:

– Но ведь почему-то хочется понять. Это в ней главное.

Пока, обнявшись, мы шепотом бормотали: «Горе-то какое», кресло возле окна покинул высокий астеник с очень своеобразным лицом. У Егора Бадацкого все было прямым, узким и длинным – брови, нос, рот – и издали казалось черточками на детском рисунке. Если бы ни большие зеленые глаза с печально опущенными внешними углами, он был бы не слишком привлекательным. А так внимание сосредотачивалось на отражающих нечто загадочное зеркалах души. Долго смотреть в них никто не мог, потому что неизбежно находилась разгадка: Егору было глубоко плевать на всех. Одни считали Бадацкого потрясающим красавцем, другие уродом. Середины не было.

– Привет, Поля. Как ты?

– Привет, Егор. В шоке. Готова каждого просить ущип-

нуть меня или отвесить оплеуху. Вдруг проснись.

Сзади раздался многообещающий голос Юрьева:

– В случае необходимости, Полина Аркадьевна, мы разбудим вас одним из заказанных способов.

Я нутром почувствовала, что он во мне ненавидит. Вот эту готовность обратиться к любому с любой же просьбой, когда мне приспичит. Однако, Борис забыл про аудиторию, хоть и назвал меня по имени и отчеству.

– Что вы себе позволяете, капитан? – сухо осведомился Бадацкий. – Дама беседует со мной.

– Мы сообщим о вашей хамской выходке начальству, – решительно пообещала Лиля.

– Все в порядке, люди, – сказала я и вспомнила про предчувствуемый скандал. – Мы с господином Юрьевым уже сталкивались на узкой дорожке, так что я на него не в обиде.

– Он при исполнении, – не внял Егор. – Если не может добросовестно исполнять, научим. Если не хочет, поможем сменить работу.

Уничтожающий взгляд Бориса достался почему-то мне, а не Бадацкому. Но я продолжила миротворческую деятельность:

– Договорились. Но прежде попробуем помочь ему найти убийцу. Чем занимались?

– Ящики перетряхивали! В одежде копались! Безделушки перебирали! – крикнула Аня. И зарыдала: – Я не могу больше! Тут ничего не пропало! Ни одна вещь не сдвинута

ни на миллиметр. Я этого не выдержу. Мне кажется, Валя с Сашей на меня с брезгливостью смотрят. Отовсюду смотрят, отовсюду.

Памятуя о том, кто заложил Измайлову ближайшую Косаревым троицу сегодня в шесть утра, я бережно переложила Минину со своего плеча на руки Лили и Егора. Повернулась к Борису:

– Давайте уж и я взгляну на жилище. Последний раз я навещала хозяев тридцатого декабря.

Ох, как чесались у Юрьева кулаки, как просили у мозга позволения вытолкать меня вон. Но бдительный Егор бросил:

– Воспользуйтесь, капитан. Вы говорили, для вас любое свидетельство важно. И давайте выбираться отсюда. Пока я предоставляю дамам свою машину и поддержку. Но еще немного, и понадобятся кареты скорой помощи.

Насколько я знала Бадацкого, бешенство он всегда прикрывал вежливостью и старомодной лексикой. Но «кареты скорой помощи» даже для него были чем-то.

– Пойдемте, Полина Аркадьевна, – еле затрепетали головные связки Бориса. – Не торопитесь, фиксируйте малейшие изменения в обстановке.

Этот говорил мало и тихо, чтобы не сказать нам всем много и громко.

– Нас скоро отпустят? – всхлипнула Аня.

– Как только Полина Аркадьевна налюбуется. Потом сюда

приедут родственники жертв.

– Это нас не касается, – зло прервала его Лиля. – Поль, оказывай содействие следствию побыстрее. Анна на грани.

– Только пробежусь из чувства долга. Вы со мной, господин Юрьев?

– Нет уж, пусть смотрит, не вскрываем ли мы в его отсутствие тайники в стенах и паркете, – потребовал Егор, явно не собираясь оставлять меня с грубым сыскарем наедине.

И Юрьев застрял напротив гостиной в длинном широком коридоре, насквозь прошивающем огромную квартиру.

– Не закрывайте за собой комнатные двери, Полина Аркадьевна, – напутствовал он.

– Понятые где? – ласково поинтересовалась я.

– Отпустил за секунду до твоего звонка. Сейчас снова приглашу.

– Ладно, не напрягайся. Шутка.

Сложнее всего было заставить себя войти в спальню. Я видела ее только раз, когда Валя показывала мне свой дом после ремонта. Почему-то я ожидала ужасающего беспорядка. Но комната выглядела обычно. Просто постель не заправлена, будто хозяева соскочили с нее, дурачась, и побежали наперегонки под душ. Я потрясла головой и попятилась к выходу. Наткнулась на шкаф, развернулась, чтобы не глядеть на кровать, машинально открыла. В квартире была гардеробная, поэтому я не имела представления, что в нем хранят. Оказалось, ночные рубашки Вали и пижамы Саши. Розовая

рубашка с рюшами и серебристо-серая пижама были еще с бирками. На дне шкафа валялись еще две срезанные бирки. Я присела, рассмотрела их, снова подняла глаза на одежду для сна. Ребята никогда не покрасуются друг перед другом в этих вещах. Захотелось же облачиться в новые перед смертью. Так захотелось, что чья-то рука просто чикнула ножницами по шнуркам, крепящим картонки, и не позаботилась поднять. Запоздало испытав острое чувство неловкости, я захлопнула дверцы. Нет, Аню можно понять, это выше человеческих сил. И Егор прав, надо выметаться. Нервишки шалят.

Мне стало до слез жалко не только Косаревых, но и Измайлова, Балкова, Юрьева и всех, кто это убийство расследовал. Почему-то именно возле шкафа я осознала, что у них не было ни единой зацепки, сучка, о котором вчера упоминал Вик. Иначе они не пригласили бы сюда друзей и родственников Вали и Саши в надежде, что те обнаружат хоть крохотное несоответствие чего-нибудь заведенному порядку. Но уже было очевидно, не обнаружат. Наверное, упрямый Измайлов и домработницу велит притащить. С тем же результатом. И помочь нечем. Мрачно все, плохо. Я вздохнула и выволоклась из спальни.

Юрьев вздернул подбородок, мол, куда теперь? Я махнула рукой и подошла к нему:

– Невмоготу, Борис. Вроде, ничего не изменилось. Гони нас восвояси.

– С удовольствием, – серьезно сказал Юрьев. Шагнул в дверной проем и сообщил: – Полина Аркадьевна осмотр закончила. Спасибо, господа, все свободны.

Маленькой гурьбой мы вывалились на улицу. Аня Мини-на в буквальном смысле – ступеньки крыльца не заметила, Егор еле успел поймать.

– Лиля, помнится, Валя любила просыпаться в цветочном комфорте, – придержала я за локоть измотанную Сурину. – Болтали же о сочетании тонов постельного белья и ночнушки. Ну, там, цветная рубашечка на однотонной простыне и прочее. Ты еще сказала, надо ложиться голыми, чтобы не создавать себе таких проблем. А она возразила: «Моей коже не подходит лиловый фон». И еще какой-то. Ты засмеялась: «Это даже не лечится».

– Было. К чему ты клонишь? – насторожилась Лиля.

– Да кровать застелена желтым комплектом. А в шкафу валяются бирки, на них указаны цвета – рубашки красный, пижамы синий. Разлюли-малина.

– Надо же, я и не вникла. Может, они не в тех одеждах, от которых бирки, умерли? Мы их мертвыми еще не видели.

– Если не в тех, то где красное и синее?

– Поль, я не знаю. Мы все слегка двинутые второй день. Анну вазочка с печеньем в кухне потрясла, тебя постель. Успокойся, пройдет.

– Должно, – согласилась я. – Интересно, почему Валя тряпки с бирками в шкаф повесила? Из пакетов-то вынула...

– Девочки, садитесь, – заторопил нас Егор. – Лиля, Аня плачет.

– Поезжайте, мне необходимо пройтись, – отказалась я.

Лилия понимающе кивнула. Бадацкий помахал рукой. Они загрузились в БМВ и отбыли со двора. Скрючившаяся на заднем сиденье Аня Минина не подавала признаков жизни.

Мне стало не по себе. Привязалась к постельному белью, пижаме, рубашке. Трепаться в женской компании можно, о чем попало. А реально заваливаться в красном и синем на желтое, если захочется. И вещи с бирками в шкаф вешать не возбраняется. Поэтому по слову полковника все осталось гладко-гладко. А я от бессилия действительно свихивалась. Еще разобиделась на Измайлова за «кухонные ассоциации». Не ляпнуть бы еще про постель. Вконец обабилась. Все, домой.

Я не жалела, что не села в машину Егора. Постороннему человеку, вроде Бориса Юрьева, со стороны могло показаться, будто мы с ним, Аней и Лилей дружны. Но это не так. Нас сплотила беда, вероятно до похорон. После мы вряд ли увидимся. Они и живых-здоровых Косаревых делить ни с кем не желали. Но приходилось. Ребята были открыты, разумеется, в пределах верхней границы допустимого в их кругу. Понять можно. Занятые сверх меры Косаревы просто не в состоянии были выкроить для друзей больше времени, чем вы-

краивалось. Поэтому новые или возобновившие знакомство люди неизбежно либо отменяли дружеское общение, либо мешали ему своим присутствием дома, в баре, в ресторане. Кто-то с этим мирится, троица не собиралась. Легко было предположить, что мертвые Косаревы «достанутся» помимо родных только Лиле, Ане и Егору.

По-моему, троица была помешана на том, что Саша с Вале́й слишком добры и щедры, что их нещадно обирают мошенники, что ими вообще все пользуются напропалую. Я бы этого не сказала. При мне, получив письмо от некоего героя с просьбой помочь приобрести немецкую инвалидную коляску, Саша приказал помощникам проверить его послужной и наградной списки. А Валя, прежде чем оплатить лечение больной девочки, все медицинские документы, вплоть до результатов анализов, лично прочитала. И связалась с клиникой, выяснила, из чего складывается сумма за лечение. Нет, не прикармливали Косаревы аферистов. Другое дело, что Егор, Аня и Лиля считали таковыми всех, кто «втирался к ним в доверие». Странно, за столько лет близких отношений они не поняли: эта чета была склонна скорее верить человеку в каком-то конкретном случае, чем вообще доверять. К чести друзей сами себе они не позволяли просить у Косаревых ничего. Предложенное принимали с благодарностью, но собственную инициативу жестко обуздывали.

Пару лет назад бывший благоверный затащил меня на ка-

кую-то презентацию. Там на выходе дамам давали яркие бумажные сумочки с косметикой. Я неизвестно что даже на локтевом сгибе на предмет аллергии не тестирую. И не дарю дареное, потому что глупо лишать себя радости выбирать подарки и тратиться на них. Поэтому незаметно поставила пакет возле колонны. Рядом опустили другой. Я распрямилась и увидела высокую статную шатенку в манто из черной бурки до пят. Мы в ногу спустились по мраморным ступеням на асфальт.

– Раз, два, три, – сказала я.

– Оглянулись, – поняла она.

Мы крутанулись на каблуках и засмеялись – сумочки исчезли с пестревшего дорогими шубами крыльца.

– Всегда прихватывают, – сказала я. – Причем в течение минуты. Наверное, если когда-нибудь не уложатся, расстроюсь.

– Из-за моего пакета однажды чуть не подрались. А там среднего качества чай был, – кивнула она.

– Мы все видели, – осчастливил нас мой экс-супруг.

Он приблизился с густобровым, плечистым, плотным парнем, который доброжелательно и чуть робко улыбался. Когда-то я при Настасье мужчину такого типа назвала медведем. «Какой же он медведь, – мечтательно возразила подруга, – увалень, мишка».

– Искушаете себе подобных, не сговариваясь, дамы? – продолжал веселиться бывший муж. – Тешьтесь, лишь бы

не плакали. Знакомьтесь, Полина Данилина, Валентина и Александр Косаревы. Все хорошие люди. Поужинаем вместе?

И мы поехали в ресторан. Там обменялись домашними телефонами.

Первой через неделю позвонила Валя. Похвалила статью про участь больных СПИДом: «Кто-то должен был написать правду». «Вообще написать. Замалчиваемая страшная тема», – сказала я, удивляясь взволновавшему ее газетному материалу. Потом вспомнила, она же врач.

– Если ты расположена пообщаться, Поля, приглашаю к себе.

– Спасибо, Валя.

Когда я приехала, в гостиной с непроницаемыми лицами сидели Лиля Сурина и Аня Минина. Девушки учинили мне настоящий допрос, не давая хозяйке слова вставить. Почему-то в отступлениях напирала на продажность нынешних журналистов.

– Девочки, я устала – случается, меня приглашают в гости, а потом пытаются вдолбить, о ком и о чем надо писать. Ваше неодобрительное отношение к лукавой журналистике мне по душе. Очень мило со стороны Вали предоставить свой дом, чтобы вы в тепле и уюте попрактиковались в интервьюировании. Но мне, к сожалению, пора. Приятно было познакомиться, – не выдержала я.

– Извини, пожалуйста, – сказала Валя в прихожей. – Они

просто ревнуют, как школьницы. Узнали, что я тебе позвонила, и примчались без предупреждения. Поля, учти, нам с Сашей никаких профессиональных услуг не требуется. Просто статью твою прочитала, захотелось поболтать за шампанским.

– Приходи ко мне. Обязуюсь не ставить в известность о твоём визите своих друзей.

На следующий день она заглянула. Мы хорошо выпили, поэтому забирать жену приехал Саша. Поднялся. Мы с Валею к тому времени увлеченно старались сжечь пирог с капустой. Косарев спас его, тоже приложился к шампанскому. Потом жарили мясо, травили анекдоты, словом, отдохнули от повседневности ей на зависть. Ребят транспортировал домой вызванный водитель, что мне понравилось и запомнилось. Косарев принял пару бокалов, потом мы часа три трепались. Большинство моих приятелей за такое время забывают, что в глаза спиртное видели. А Саша за руль не сел. Вот это чувство ответственности за себя перед всеми я в нем ценила больше всего.

Потом чередой пошли дни рождения. Я познакомилась с Егором. Лиля и Аня меня, скрепя рвущиеся от беспокойства за Косаревых сердца, приняли. Но то, что Валя называла детской ревностью, и чего в Бадацком обнаружилось больше, чем в обеих девушках вместе взятых, не иссякло. Скорее было запружено, с правом взорвать плотину, когда вздумается. Мне тоже не приходило в голову что-нибудь просить у Ко-

саревых. Наверное поэтому ближний неродственный круг не интриговал против меня явно. А вообще-то «спасение» Саши и Вали от мерзавцев всех мастей троица вменила себе в обязанность. И действовала быстро и безжалостно, вплоть до найма частных сыщиков для сбора компромата и предоставления его старшим представителям клана, которые уже сами вразумляли младших на предмет: «Кого в дом пускаете, неразумные создания».

Под такие воспоминания я добралась до своего любимого громадного кресла, в котором могу даже лежать, свернувшись клубком. Сварила кофе, достала сигареты, устроилась. Но ни курить, ни думать больше не хотелось. Я решила обеспечить себя дополнительной информацией. И взялась за телефон, который полковник Измайлов называет главным страдальцем в моем доме.

Глава четвертая

Чаще всего в трубке звучали слово «ужас» и проклятья выродкам, способным на такие злодеяния. К моему изумлению несколько не самых глупых людей пытались доказать мне, что во всем виноваты террористы. Еще пара уникамов нашла в гибели Косаревых нечто утешительное. Женщина заявила, если супруг не в состоянии защитить в спальне ни себя, ни жену, то очень хорошо, что лично она всегда была, есть, а теперь наверняка и будет одинока. Мужчина порадовался собственной настойчивости: заставил благоверную родить троих, а не одного, как она хотела, и ему трагедия членов клана, потерявшего единственных наследников, не грозит. «Достала вас житуха по полной программе», – пробормотала я. Но звонить продолжала.

Ряды приятелей Саши и Вали успели уже расстроиться. Кто-то из более близких и давних доказывал мне, что, по меньшей мере, год с ними не встречался. А некоторые, и в дом толком не вхожие, уверяли, будто Косаревы без их общества недели прожить не могли.

– Странно все как-то, – сказал директор одной из Сашиних фирм, которого я знала еще в университете. – Обычно, когда убивают бизнесменов такого уровня, только и разговоров о том, кому перейдут деньги. А тут каждая собака была в курсе, что все остается в семьях. Материально эти смер-

ти были выгодны только родителям, бабушкам и дедушкам. Абсурд.

– А есть какие-нибудь двоюродные, троюродные братья или сестры? – спросила я. – Все равно Сашу с Валею предпочтут заменить кем-то из своих.

– Точно не знаю. Но часто дальние родственники являются на похоронах. Пока, вроде, деда убиенных сами впрягаются. Отцы документацию затребовали. Этим мужикам по пятьдесят, пятьдесят с небольшим. Успеют еще детей наделать, вырастить, выучить, натаскать. Вряд ли дальним что-то засветит.

Ольга Суховей, заместитель Вали, та самая, которую родня отрекомендовала Измайлову в качестве лучшей ее подруги, была со мной едва знакома. Она сразу захотела уяснить, какое мне дело до Косаревых, и есть ли у меня хоть по капле такта и совести. Пришлось втолковывать, что я журналистка, и со мной лучше разговаривать спокойно, чтобы все понимала правильно.

– Тем более пошла на..., – озверела она.

– Не надо так, Ольга. Я не собираюсь писать о Косаревых. Истерия в СМИ вот-вот начнется и без меня. Но по-человечески я имею право разобраться в случившемся. Вопрос-то всего один. В последнее время вы ничего необычного за Валею не замечали?

– Ты Полина, да? – вдруг прояснилось сознание бизнес-леди. – Это с тобой мы на Валюшиных именинах про са-

ратовские огни пели?

– И как пели! Народ рыдал от восторга и требовал концерт в одном, а то и двух отделениях, – подтвердила я.

И подумала: «Тогда ты, как и сейчас, порядком надралась».

– Тоже расследуешь? – горько спросила она. – Плакать надо, за души их молиться, а вы расследуете.

– И кто еще?

– Полиционеры. Лилька, Анька и Егор донимают. Родственники заколебали. Я ничего не замечала. А все косятся, будто обязана была, или замечала, но скрываю. Я ее деду говорю: «Разве что самодисциплина у Вали начала зашкаливать». Он мне: «Вы с коньяком поаккуратнее. Руководителю надо уметь держать себя в руках». Представляешь?

– Как это, зашкаливать? – не поняла я.

– Так. Всем объясняю, никто не врубается. Самодисциплина, это когда человек что-то делает через «не хочу», причем основательно, как не каждый страстно желающий в состоянии. Валюша пахала, как проклятая. Новое отделение очень быстро открыла. А видно было, что без охоты, что сама себя заставляет. Я спрашивала: «Зачем спешить»? Она отшутилась: «Важно не зачем, а куда». Ну, виновата я в том, что только это и могу рассказать?

– Нет, конечно. Вы отдохните, Ольга. Погодите! С Валея раньше случалось подобное?

– С вами со всеми отдохнешь! – вновь разъярилась она. –

С ней не случилось, у нее это хронически. Мне, мне нужны были престиж, зарплата, премии. У меня квартиры нет и машина позорная. А у нее все есть, ей все по фиг, только Сашка на уме. Но она умела притворяться заинтересованной. Только тут вдруг видно стало – все по фиг навсегда. Пока! Надо-ели мне любопытные до черта.

– Пока, – пробормотала я.

И поздравила себя с единственной добытой новостью – Ольга Суховой напивалась не эпизодически, а регулярно. Впрочем, не факт. В медицине короткие скамейки запасных. Много ли людей усадишь ждать освобождения двух кресел – заведующего отделением и главного врача, если их традиционно занимают по блату. И вот в кои-то веки умной, терпеливой, трудолюбивой бабе повезло с работой. Не успела ни квартиру купить, ни машину сменить, как стряслось несчастье с Вале́й. Оставят ее теперь в Центре? Под чьим он будет началом? Не продадут ли? Тогда Ольга точно вылетит. При-сосешься тут к бутылке в ожидании худшего.

Я, как водится, выбрала себя за то, что не могу относиться к людям однозначно. И напоследок набрала номер родимой Настасьи.

– Что? Что случилось? – завопила она дурным голосом.

– Настя, это я, Поля.

– Поняла, поняла. Но тебе же еще два дня молчать!

От ее беспокойства у меня внутри воцарился январь. Когда мороз, сугробы, а щека ощущает рьяное солнечное теп-

ло. Это непередаваемо здорово. О чем я немедленно подруге и сообщила.

– Мне самой приехать или бригаду вызвать? – озадачилась Настасья.

– Бригаду. Где двое с носилками, один с лопатой.

– Поля, только не это! Что бы ни случилось, надо жить. У тебя ребенок!

– Настасья, ты, о чем подумала, а? В своем уме?

– Когда тебя вижу или слышу, в твоём, – огрызнулась она. – Поэтому и волнуюсь. Так зачем тебе понадобился могильщик?

– Косаревых убили. Обоих.

– Ничего себе! – воскликнула докторица и что-то выронила из надежных хирургических рук.

Чертыхнулась, извинилась перед Богом, незатейливо выматерилась. Я вспомнила Ольгу и подумала: «Это у них профессиональное». И проявила участие:

– Градусник разбила? Теперь твою клинику ломать надо?

– Бутерброд не удержала, – сердито сообщила Настасья. – Он, разумеется, маслом вниз.

– Впредь мажь с обеих сторон.

– Кончай издеваться, малоежка несчастная, жалкая. Рассказывай.

Я изложила то, что изволил сообщить мне Виктор Николаевич Измайлов. И сразу спросила:

– Как тебе способ убийства?

– Во времена всеобщего вооружения садистский.

– Значит, Вик правду говорил, это не легкая смерть?

– Прикинь сама, человек чувствует нехватку воздуха, вдохнуть – рефлекс безусловный, во сне, не во сне, надо. А он очнуться и пошевелиться не может. Приятно?

– Но все-таки быстро.

– Извини, Поля, сердце мгновенно только пуля останавливает. А мозг гибнет без кислорода свои пять минут при любом раскладе. У живых более чем приблизительные представления об умирании. Поэтому кто-то мог решить, что удушение спящего – щадящий способ.

– Вик сказал, бесшумный. И один слабосильный играючи справится с двумя молодыми и здоровыми.

– Ну, если твой Викник сказал, – недовольно протянула Настасья, полагающая, что Измайлов мне не пара еще упорнее моей мамы, – то да.

– Настя, как мыслишь, кто убийца по образованию?

– Спроси что-нибудь полегче. Я бы исключила химиков, фармацевтов и врачей.

– Надо же. А я наоборот...

– Поля, если уж людям что-то подмешивали в питье, эти обошлись бы без подушки.

– Отравили попросту?

– Конечно! Химики воспользовались бы ядом, а фармацевты и врачи в состоянии передозировать наверняка абсолютно все. За самоубийство точно сошло бы. Поля, скажи

мне, наконец, почему погибают в расцвете лет всегда лучшие? С Сашей я почти не общалась, но Валя – душа человек. Последний раз у тебя виделись, она меня консультантом звала. Я уже собралась разбогатеть.

– Ольга Суховой тоже.

– Кто это?

– Валин заместитель.

– Сколько раз просила, говори мне заместительница. Кофе вон уже среднего рода, победили употребляющие его низы. А с женскими должностями и профессиями никак не разберутся. Сочувствую этой Суховой, как самой себе. Переживает?

– Коньяк глушит.

– Это по-нашему. Надеюсь, без снотворного?

– Типун тебе на язык, Настасья.

– Ладно, Поля, у меня тут гора историй болезней. Вале в какой-то мере повезло, она их больше в глаза не увидит.

– В отличие от тебя она имела возможность бросить свой Центр в любую минуту.

– Но не бросила. К тебе точно не приезжать? Я хотела дома прибраться.

– Точно. Завтра увидимся.

– Завтра операционный день, я до вечера в клинике. Это ты у нас тунейдка.

– Тогда послезавтра.

– Звони, раз уж всполошила.

«И у Настасьи приработок сорвался, — подумала я. — Точно, Валя ее уговаривала выкроить время, чтобы поработать в Центре. По-моему, хотела помочь. Подруга моя назвала сумму очередной прибавки к зарплате, Валя воскликнула: „Доколе же над золотыми головами и руками будут издеваться“. И, тактично выждав минут десять, предложила вести прием у себя. Сколько людей, которым Косаревы платили жалованье, которые рассчитывали на них, сидят сейчас, как на иголках. Тоска».

Я посмотрела на часы. День миновал. Я тысячу слов сказала, но в ответ ни одного, потребного сыскарям, не услышала. А они, бедняги, вторые сутки так бились. Пора было готовить Вику ужин. Если сведений никаких не раздобыла, то хоть накормлю человека. Ему сейчас все равно, что в тарелке, но это не повод халтурить. Я спустила ноги на пол, привычно встретилась ступнями со шлепанцами, и тут зазвонили в дверь.

Приученная к набегам своих неуравновешенных приятелей и приятельниц, я потопала открывать. И была заранее благодарна любому, кто отвлечет меня от мыслей об убийстве. В глазок взглянуть по своему обыкновению не удосужилась. И едва в обморок не грохнулась, увидев на пороге собственной квартиры Илону, домработницу Косаревых.

Пятидесятилетняя пышечка, признающаяся, что забыла, какого цвета ее «природные» волосы, была, как всегда, тща-

тельно причесана племянницей парикмахершей. И накрашена строго по указаниям сожителя племянницы – начинающего визажиста. Одевалась она по собственному врожденному, но не развитому достатком вкусу. При внешней приятности состояние Илоны я определила бы термином невменяемость.

– Здравствуйте, Полина Аркадьевна, – медленно сказала она высоким, но с явной хрипотцой голосом. – Я к вам.

– Добрый вечер. Проходите.

Я сообразила, что раньше никогда к Илоне не обращалась, видела мельком, имя ее знала от Вали, а об отчестве представления не имела.

– Ваш адрес мне дала Валентина Алексеевна, – продолжила Илона, застыв посреди прихожей и глядя мимо меня.

– В каком смысле дала? – опешила я. – Когда? Да пойдемте же в комнату. Кофе хотите? Водки? Как вас по батюшке?

– Зовите Илоной.

– Тогда и меня зовите просто Полиной. Как насчет адреса...

– Водки я выпью.

Пока я наскоро готовила закуску, Илона, притащившаяся за мной в кухню, словно боялась оставаться одна, молча, прямо сидела на стуле. И лишь выпив рюмку и равнодушно сметав яичницу с помидорами, заговорила вновь:

– Перед новым годом Валентина Алексеевна выдала мне премию в размере месячного жалования. Хозяйка была

не жадная, таких поискать. А потом и говорит: «Отдыхайте, Илона, до четырнадцатого января. Вы пристраиваться не умеете, про вас все забудут – о себе не напомните. Поэтому, если со мной что-нибудь случится, идите к Полине Аркадьевне. Она вас определит на хорошее место, не к самодурам каким-нибудь». И адрес продиктовала. Я ей: «Про что вы, Валентина Алексеевна»? А она: «Это на всякий случай. Жизнь непредсказуема». Сначала я подумала, чудит. Потом решила, намекает на увольнение и по доброте душевной отдает вам. Расстроилась, плакала, вспоминала, чем могла не угодить. И вдруг такое.

Илона впервые за вечер подняла на меня покрасневшие глаза.

– Как моя фамилия? – быстро в лоб спросила я.

– Извините, не знаю, – покаянно прижала пухлые руки к груди скромная домработница. – Валентина Алексеевна не назвала, а я слово лишнее побоялась сказать.

– Она давала вам мой номер телефона?

– Нет. Разве я бы побеспокоила без звонка. Вы поймите, в голову же не пришло, что это серьезно и на самом деле пригодится.

Она не притворялась, я была убеждена в этом. Монолог любой сложности можно отрепетировать. Но не сфальшивить в ответе на неожиданный вопрос очень трудно.

– Илона, вас не удивил такой отпуск?

– Не очень. Богатые люди. Вдруг съездить куда-то наду-

мали. Весь мир в их распоряжении, чего там. И мне докладывать не обязаны. Велено отдыхать, поблагодари и отдохай себе, Илона.

– А как бы вы поступили, не имея моих координат?

– Через агентство работу искала бы.

– Не лучше ли было бы обратиться к друзьям Валентины Алексеевны, родственникам?

– Нужна я кому? Чего им души собой бередить, – покорно вздохнула Илона.

– Я обязательно вам помогу. Двое моих знакомых как раз ищут опытную экономку. Еще и выбирать будете.

– Спасибо, не обманула Валентина Алексеевна, – всхлипнула Илона. – Ко мне сегодня из полиции приходили. Я им про вас, про совет хозяйки ничего не сказала. Затаскают еще. Мне-то уж точно все нервы вымотают.

– С чего бы? Вы же, собственно, в двухнедельном отпуске.

– Так ключи хозяйские пропали. Я, когда Валентина Алексеевна дома, из сумки их не достаю, она впускает. Тридцатого у меня уже все сверкало, так что тридцать первого утром я пришла только посуду приготовить – достать из серванта, вымыть, перетереть. Сделала, значит, денежку получила, адрес ваш. Тут подруги Валентины Алексеевны явились, Лиля и Аня. Я не решилась спросить, не увольнять ли она меня надумала. Пожелала здоровья, счастья и побежала на метро. У себя сумку поставила и не заглядывала в нее. Я с ней только к Валентине Алексеевне езжу и в гости. Сего-

дня парень из полиции – занудный, суровый – спрашивает: «Ключи от квартиры Косаревых есть»? «Есть, конечно, – говорю, – они с утра до ночи работают, я без них квартирой занимаюсь, продукты покупаю. Иногда раз в неделю видимся». Он потребовал показать. Я сунулась, а ключей нет. И куда делись, ума не приложу. Я их отродясь не теряла. Как в детстве мама на веревочке на шею повесила, так и поняла, что надо беречь. Разве что в транспорте вытащили. Если выследили, какие апартаменты они отпирают, могли.

– Да кто же мог выследить, Илона? В подъезде охрана, там чужие не ходят, – возразила я.

– Вот охранники и выследили. Мне рожи обоих никогда не нравились, – заявила домработница.

– Неужели ключами соблазнились, а толстым кошельком с двойной зарплатой нет?

Илона посмотрела на меня с жалостью:

– Я, как все нормальные люди, кошелек в кармане ношу и рукой держу. А крупные деньги в бюстгальтер прячу.

Я поняла, насколько далека от человеческих норм. Шансов стать полноценным членом общества у меня не было. Пришлось отвлекаться вопросом:

– И что полицейский?

– Велел искать ключи у себя, чтобы точно убедиться в отсутствии. Чтобы чем угодно могла поклясться – нету.

«Занудный», суровый, велящий точно убедиться в отсутствии – это Сергей Балков. Илона чувствовала, но не пред-

ставляла себе, что ее ждет. Сережа нервы не выматывает, а рывком пучками выдергивает. Она при воспоминании о любых ключах до смерти будет вздрагивать и креститься.

– Скажите, а эта неприятность не повлияет на мое дальнейшее трудоустройство? – потупилась Илона.

«Учись, Полина, – мысленно призвала я себя. – Зарплату в лифчик закладывать тебе взбредет в башку только, если вдруг срочно понадобится визуально увеличить объем бюста. И то, когда ее мелкими бумажками выдадут. Но вслушайся, как женщина беседует! Боится сболтнуть лишнее, и поэтому о самом для себя важном, деньгах и работе, говорит надежным канцелярским языком: „в размере месячного жалования“, „дальнейшее трудоустройство“. Интересно, кем она была до того, как подалась в домработницы? А, пусть новые хозяева разбираются. И Сергей выясняет. Он завтра уже будет знать, даже в каком роддоме она родилась, и какая в тот час стояла погода».

– Илона, я представлю вас, как помощницу по хозяйству, которой Валентина Алексеевна неизменно была довольна. Она сама мне вас хвалила, – честно сказала я. – Дальше рассказывайте людям о себе, что хотите. Только рекомендации с прежних мест не забудьте. Они у вас есть?

Во взгляде Илоны промелькнуло что-то вроде уважения. Наверное, ей нравились бдительные особи обоих полов.

– Я до Валентины Алексеевны наводила чистоту у матери одного миллионера. Потом она в Европу переезжать со-

браслась. Я – в агентство, а там говорят: «Пусть хозяйка вас письменно охарактеризует». Она не отказала. Потом они меня к Косаревым направили. Александр Витальевич сказал: «Опыта маловато». А Валентина Алексеевна заступилась: «Как и вредных привычек, которые его сопровождают». Та бумага осталась в агентстве. Я возьму, хоть они и недовольны будут, что без них устроилась.

– Придется им смириться. Илона, эти предновогодние дни чем-то отличались от прошлых? В доме спокойно было?

– Слишком спокойно. Раньше такая веселая суматоха поднималась. Но нынче Валентина Алексеевна и Александр Витальевич пахали, будто все дела за всю жизнь решили переделать. Только ночевать съезжались. Верите ли, елку не наряжали. Мне поручили.

– Когда Валентина Алексеевна купила новые ночные рубашки и пижамы? – спросила я, ощущая себя почти счастливой: обсуждение этого вопроса с Илоной не противоречило нормам морали, нравственности и здравомыслия.

– Ничего она не покупала. Я белье стираю, глажу, развешиваю и раскладываю по шкафам. Все их вещи помню. Они подарить друг другу могли на праздники. Любили такое дарить.

– А желтым атласным комплектом часто пользовались? Даже домработница начала бросать на меня короткие опасливые взгляды.

– Станным интересуетесь. Этот комплект им на свадьбу

бабушка преподнесла. Раза два всего доставали. Сначала Валентина Алексеевна постелила. Но Александру Витальевичу материал не понравился – скользкий. А потом я по незнанию. Она велела сменить. Жалко. Красивый, на наволочках такое кружево толстое. Дорогуший наверняка.

– Спасибо, Илона, – предпочла закруглиться я.

– Вам спасибо. Куда мне дальше? К кому?

Я при ней позвонила двум приятельницам, почти одновременно размечтавшимся о честной домработнице среднего возраста. Одна застала свою прежнюю, юную, в объятьях несовершеннолетнего сына. Вторая встретила на улице в собственных одежде и обуви, привезенных из Франции. Они договорились о смотринах, и повеселевшая Илона покинула мой дом.

«Если через пару лет кто-то из них умрет необычной смертью, нас с Вале́й, то есть теперь только меня можно будет считать соучастницей убийства, – кисло подумала я. – Но нельзя не выполнить последнюю просьбу человека».

Последняя просьба была поразительной. Я верю в то, что первое впечатление – самое верное. Все-таки свежесть восприятия дорогого стоит. Это потом, по ходу аналитических упражнений мы начинаем заблуждаться. Так вот, я расценила двоякий поступок Вали, как подачу какого-то сигнала. С одной стороны, забота о могущей остаться не у дел Илоне была совершенно в ее духе. С другой, посыл ко мне просительницы, которую она лишила возможности предваритель-

но позвонить, не дав номер телефона, казался симптомом приступа помешательства. Косаревы были щепетильны в вопросах такта. Визит домработницы должен был меня потрясти, остановить на бегу, куда бы личные обстоятельства ни гнали. Валя не только не чиркнула записку, она даже не написала мой адрес своей рукой, а продиктовала Илоне. Хотя ее почерк был бы лучшим поручительством за правдивость истории, которую мне предстояло услышать. Значит, считала, что я должна поверить, а полиции ее памятку предъявлять не стоит. Дальше, она не направила домработницу ни к Лиле, ни к Ане. А ведь девушки общались в обеспеченных кругах и могли организовать будущее Илоны не хуже меня. Она не сообщила Илоне мою фамилию, чтобы я не подумала, будто та нашла мой адрес по справочной. И вообще, мы с Илоной сталкивались всего пару раз, здоровались, не более, так что я была последней, к кому она додумалась бы нагрянуть по собственной инициативе. Совершенной ей не свойственной экстравагантной выходкой Валя пыталась дать понять, что у нее есть серьезные основания опасаться за свою и Сашину жизни. И слова «если со мной что-нибудь случится», не были, обычным для богатых дам, проявлением боязни в одночасье лишиться всего. Да, Саше тоже угрожало нечто, ибо он Илону никогда не прогнал бы, и необходимость в моих стараниях отпадала.

Илоне надлежало идти ко мне только после того, как она лишится обоих хозяев. То есть предотвращать меня ничего

не просили. Но после случившегося я должна была узнать через домработницу о готовности Вали и Саши к вступлению на необратимый роковой путь. Зачем? Валя с того света предлагала мне провести журналистское расследование? Или, памятуя о заверениях в том, что Косаревы не нуждаются в моих профессиональных навыках, просто собственное расследование. Она имела представление о моей склонности разгадывать криминальные загадки. Но подкидывать их таким образом? Чушь какая-то.

Я не успела определиться. Позвонил Вик, заявил, что давно дома, и жалобно спросил:

– Детка, хлебом не угостишь? У меня пусто.

Это была вторая просьба о хлебе за день. У меня вдруг затряслась рука, держащая трубку.

– Милый, потерпи, сейчас спущусь и быстренько сварганю ужин. Я тут замешкалась. Зато нам есть, что обсудить.

– Да, Борис доложил. Он в ярости. А ведь я тебя просил не лезть.

– Я не лезла. Меня втянули. Если хочешь хлеба, не ворчи.

– Поленька, ты не могла бы ужин не сварганить, а приготовить? А вообще-то я уже не знаю, чего хочу, – признался Измайлов.

– Мне хуже. Я знаю, что ничего не могу, – пожаловалась я.

– Чур, меня, – открестился от моих бед полковник.

Я в невнятной задумчивости взяла под мышку хлебницу и непонятно как оказавшийся на столе пакет сахарного пес-

ка. Так и предстала перед Измайловым.

– О, нам предстоит сказочный вечер, – понял он.

И попытался от означенных перспектив потерять аппетит. Но не преуспел. Почему-то приготовленная по системе «все обжарить по отдельности и смешать» еда получается особенно вкусной. А, может, чтобы она таковой казалась, есть надо реже.

Глава пятая

Сначала я рассказала о приключениях бедового Ильи Соколова. И с удивлением поймала себя на том, что раз десять повторила любимому мужчине:

– Я сама успела только ванильную булочку съесть и ана-насного сока хлебнуть.

– Тебя пожалеть или похвалить за щедрость? – наконец, не выдержал Измайлов.

Нет, я хотела от него чего-то другого. Но чего именно?

– Как тебе сюжетный поворот? Убийца забрал бутылку с отравленным вином и оставил в кухне Косаревых такую же с нормальным.

– С какой целью?

– Спросишь у него, когда вычислишь и найдешь. Если тебя интересует мое мнение...

Измайлов скрипнул зубами, но я не остановилась.

– Он хотел, чтобы вы думали, будто снотворное растворили в бокалах.

– Мы думали. Дальше что?

– С подменной бутылки все как-то усложняется, Вик. Понимаешь, надо же было купить две одинаковых. Может, его в магазине на видеокамеру засняли? Хотя, такой хитрый гад сообразил бы, что запомнится покупкой. Предположим, он открыл нормальную бутылку, себе плеснул из нее, по-

том незаметно вытащил другую. Я запуталась. Действительно проще было всем налить обычного Бордо, а после в два бокала бросить лекарство. Бросить, да. Но не растворить. Даже шипучку от таблеток приходится размешивать ложкой, чтобы белого налета сверху не было.

– Пусть так, подготовился заранее. Но смысл менять бутылку? Смысл, Поленька?

– Придумай что-нибудь, ты очень умный. Ты полковник, в конце концов.

– Ты гораздо умнее, детка. Давай сама.

– Без ложной скромности скажу, Вик, я тоже очень умная. Убийца налил себе из «чистой» бутылки, Вале с Сашей из «грязной». А потом их перепутал и унес не ту.

– И они обе рядом на столе стояли?

– Вряд ли.

– Тогда, как перепутал?

– Черт его знает.

– Черта не допросишь. Скорее всего, твоему алкоголику померещилось, будто он держал в руках именно Бордо. Сама же говоришь, что он боится встречи с психиатром. Надо проверить, не состоит ли на учете у этого доктора.

– погоди, Вик, не торопись. Некто покупает вино, которое, по его мнению, прилично предложить Косаревым. Для них оно все равно дешевое и дрянноватое, однако они из вежливости принимают угощение своего странного гостя. Не морщи лоб, действительно странного. Он гораздо бед-

нее хозяев, но позволяет себе навестить их после полуночи. Устраиваются на кухне, а Валя туда, кого попало, не звала. Она однажды про не слишком нужного человека сказала: «Глубже гостиной не пущу». Я уже закидывала удочки насчет дальних родственников, но ничего не поймала. Плюнем на фокусы, которые визитер проделывал с бутылками. Но не в перчатках же он был. Как с отпечатками?

– За бутылку брались только Косаревы. Оба, – улыбнулся Измайлов.

– А должны были еще продавцы, кассир в магазине и убийца, минимум, – напрасно не обратила внимания на его снисходительную улыбку я. – Стоп, вру. Валя всегда, прежде чем убрать тару в холодильник или поставить на стол, протирает ее влажной губкой, а после сухой салфеткой. Получается, она оставила отпечатки, когда все это проделывала. А Саша, когда разливал. Но теперь благодаря Илье нам известно, что снотворное было в бутылке-близняшке. Вик, Вик, он же не мог не повредить пробку, закладывая снотворное!

– Вот теперь помедленнее, детка, – ожил полковник, будто я при нем теорему доказывала, не зная аксиом.

– Пожалуйста, торможу. Он ее повредил, как и положено. И просто не мог предложить такую бутылку хозяевам. Достал другую, с нормальным вином. Валя ее обработала, Саша откупорил и разлил. Дальше сложно, но реально. Хозяева чем-то отвлеклись, гость выплеснул содержимое их бокалов, наполнил отравой, бутылку с ней заткнул пробкой, сно-

ва спрятал. Даже бокалы мог держать, скажем, кухонным полотенцем, чтобы не наследить. Выпили, ребята заснули, он их задушил, вымыл и убрал свой бокал, а бутылку с отравленным вином поставил в мусорный контейнер за домом. Сел в машину и укатил. То есть ему просто было удобнее использовать две бутылки. И все равно, какую оставлять. Хоть обе. Хоть ни одной. Он уже о Бордо не думал.

– Угу. А Косаревы при нем разделись и улеглись? – серьезно полюбопытствовал Вик.

– А он притворился нетранспортабельно хмельным. Они его у себя оставили.

– Может, может, может. Чего только не может, – забормотал Измайлов. – И куда делись ключи домработницы? По твоей версии они вообще не были нужны убийце. В квартиру его впустили хозяева, оставили ночевать, а, уходя, он не запер дверь.

– Так это моя версия? – польщено хихикнула я. – Здорово. А у Илоны пропали ключи?

Все, кроме смешка, прозвучало фальшиво. Стало противно от собственной актерской бездарности. Но еще отвратительнее мне сделалось от автоматического вранья Вику. Я действительно не собиралась сама вычислять убийцу Косаревых. Это занятие приличествовало сыщикам и дилетантам с безнадежно завышенной самооценкой. Я же застряла где-то посередине. Следовательно, от полковника ничего не стоило скрывать. Но как тяжело мне далась следующая фраза!

– Вик, извини за притворство. Некрасиво получилось. Илона была у меня сегодня.

И я подробно осветила в устной форме неожиданный набег домработницы.

– Ты еще способна говорить правду после жестокой борьбы с самой собой, – умилился Измайлов. – Это надо отметить. Потанцуем?

– Не хочу. Вик, о чем, по-твоему, Валя пыталась мне сообщить? Что им с Сашей могло грозить? Я тебе такое выдала, а ты не реагируешь! Вдумайся, убойщик, последний день года...

– Именно, – обиженно перебил лишенный дискотеки Измайлов. – Дама заработалась, замоталась, праздничного настроения не возникло. И она дала указания на случай какой-то неопределенной трагедии. Уверяю тебя, Косарева забыла о нем, как только домработница ушла. Ну, чем тебя вразумить? Ты же частенько плачешь просто так, без причины. Вот и у Косаревой просто так вырвалось. Более того, если бы ее с мужем не убили, Илона никогда не вспомнила бы, откуда у нее твой адрес.

Это было очень похоже на правду. Я тоже сомневалась в склонности Вали организовывать запоздалые приветы из мира иного. Накатило что-то тридцать первого декабря от переутомления.

– Ты уверен, Вик? – спросила я, и надежда в голосе не была наигранной.

– Уверен, – отрезал полковник.

И совершил вторую ошибку. Нельзя прекращать мыслить, в том числе и сомневаться, даже если взбалмошная женщина отказалась вытаптывать с тобой ковер посреди комнаты под щемящую музыку. Но тогда у меня, что называется, отлегло от сердца. И пригласи меня Измайлов на танец еще раз, я согласилась бы. Но гордые убойщики дважды одно развлечение не предлагают.

– Вина выпьем? – я взяла инициативу в свои загрубевшие от частого держания ее, шершавой и верткой, руки.

– Не хочу, – буркнул полковник.

И я поняла, с кого берет пример Борис Юрьев, притворяясь магнитофоном. После чего уже зло выпалила:

– У Илоны на самом деле могли вытащить ключи из сумки.

– Кто? Подруги хозяйки, которые оставались одни в прихожей, где эта самая сумка стояла?

Да, Лилу Сурина и Аню Минину я подставила качественно. Но ведь не нарочно. Тем не менее, мне было не по себе.

– Мотив! Зачем им красть ключи?

– Откуда я знаю, – огрызнулся Измайлов.

– Слушай, милый, а вдруг все проще и безоблачней?

– Насколько я тебе мил, недавно понял, – предпочел обижаться дальше Вик.

– Полагаю, не совсем, но об этом потом. Наверное, девочки задумали какой-нибудь розыгрыш. Они-то были в курсе,

что Илоне в ближайшие пару недель ключи не понадобятся. А теперь бояться признаться. Я бы тоже не решилась.

– Ты – нет, – согласился Измайлов. – Только о твоей решимости речь не идет. Вот не призналась бы и все. Интересно, Поленька, а куда бы ты дела позаимствованный для розыгрыша инвентарь после гибели друзей?

– Смоталась бы на какую-нибудь окраину и забросила в самый высокий сугроб, – без запинки выпалила я.

– А ведь мне очень хотелось с ней потанцевать, – недоуменно протянул полковник с высшим юридическим образованием и, похоже, испытал к самому себе легкое отвращение.

– Не переживай, ни Лиля, ни Аня так не поступят. Для них ключи Косаревых – драгоценность на память. Если, конечно, они их взяли.

– Выгораживаешь?

– Нет. Давай о другом, о мучительном. Вик, предположим, ты по натуре человек добрый.

– Предположим? Можешь быть уверена, если я до сих пор с тобой общаюсь, – рыкнул Измайлов.

– Отринь личное для пользы дела. У тебя есть заморочка – пижама мужа и твоя ночная рубашка должны по цвету гармонировать с постельным бельем. Этакое приятное последнее ночное и первое утреннее впечатление.

– Пижама, кого? Моя, что, ночная рубашка? – поперхнулся полковник. – Совсем ополоумела, детка?

– Да, похоже. И все-таки, если цветовая гармония тебя умиротворяет, то дисгармония, соответственно, злит, бесит. Правильно рассуждаю?

– Ты не рассуждаешь, ты бредишь, – решительно объявил Измайлов.

– Какого цвета были пижама Саши и ночная сорочка Вали? Желтое атласное белье, которое Саша не любил, и которое Валя велела Илоне однажды сменить, я видела.

– Ну, знаешь, Поленька, всему есть предел, – сердито произнес полковник. – Утопающий, как известно, хватается за соломинку. Но у тебя фантом соломинки в дело идет.

– Вик, тону не я, а вы. Ответь, пожалуйста. Я ожидала чего-то такого, я пообещала себе не заговаривать с тобой об этом. Но вот не удержалась.

– Судя по фотографиям трупов, рубашка красная, пижама синяя. Но это последнее, что ты от меня услышала. Я не желаю навещать тебя в психбольнице.

– Не желаешь – не навещай. Там масса симпатичных оригиналов. К некоторым на досуге заглядывают Кант, Ландау, Байрон. И они охотнее, чем ты, делятся впечатлениями. Только за ходом моей мысли минуту последи, пожалуйста. Илья успел сделать два больших глотка, выкурить сигарету, еще глотнуть, разбить бутылку, оценить эффект замедленной съемки. И захотел спать. Но после этого он прошел десять метров до подвала, распутал проволоку, закрутил ее изнутри, улегся на пол. То есть он совершал довольно сложные

действия в полубессознательном состоянии.

— И как он в ночную рубашку не облачился? — задумчиво бросил Измайлов. — Я был бы не прочь понаблюдать за обнаружившим его слесарем.

— Не сбивай, Вик. Шутки шутками, а Соколов единственный, кто может описать действие того снотворного. Сначала я подумала, что Валя устроила цветовой разнобой, чтобы поутру сразу вызвать в себе и в Саше агрессию. Странно, учитывая, что у них кто-то ночевал.

— Твой кто-то мог уйти, а потом вернуться. У него, или у нее были ключи домработницы, — гнул свое Вик.

— Во-первых, не факт, что были. Во-вторых, Саша или Валя могли не вынуть свои из замка. Тогда никто дверь не открыл бы. В-третьих, я все равно не могу вообразить Валю, таим образом готовящуюся к завтрашнему пробуждению. Но тем любопытнее мне было. А теперь мне кажется, что она стелила постель, срезала бирки, одевалась ко сну под действием лекарства, плохо соображая.

— Ну и?

— Ну и я успокоилась и больше бельевую тему не поднимаю.

— Мне положено возликовать и поздравить тебя. Но даже себя поздравить с окончанием сегодняшнего вечернего кошмара, сил нет. Ты явилась в квартиру Косаревых, довела Бориса до истерики, ткнула в шкаф в спальне, в который перед тобой и Бадацкий, и Сурина, и Минина заглядывали, об-

наружила на дне срезанные бирки, заподозрила Валентину в сознательном устройстве себе и мужу цветowego кавардака и день занимала этим голову?!

Я его понимала. У Вика в отделе много сотрудников, но он выделяет Юрьева и Балкова за способность вгрызаться в ситуацию и склонность к неустанному анализу. У Бориса все происходит мгновенно на интуитивном уровне. Сергей собирает полнейшие сведения и долго их обмозговывает. Если мнения ребят совпадают, Измайлов уже не берет в расчет другие версии, разве что свою собственную. Но он нетерпелив и часто злится на Балкова за копание в мелочах вроде, чем позавтракал подозреваемый в день убийства, или на каком автобусе свидетель добирался до своей двоюродной бабушки. Моя же манера анализировать полковника сильно раздражает. Куча эмоционального и словесного хлама, в которой я увлеченно роюсь, его угнетает. Он говорит, что не вынес бы моей чистосердечной помощи, не извлекай я из убогих залежей нечто неожиданное, явно случайно там очутившееся. И, главное, я не умею показывать ему лишь это, а перетряхиваю все подряд с подробными комментариями к воспоминаниям, сплетням, догадкам, впечатлениям — все должно быть озвучено. Иногда Вик серьезно предлагает мне записывать измышления, а его знакомить лишь с выводами. Но я нуждаюсь в слушателе, что же тут поделаешь. А ему порой интересен взгляд со стороны. Так и маемся.

На сей раз терпение полковника, действительно, кончи-

лось.

– Ты, наверное, невероятно устала сегодня, Поленька, – вкрадчиво предположил он. – Шутка ли, столько мук приняла из-за бирок. Почти решила вопрос, допустимо ли лечь в синей пижаме на желтую простыню, чтобы с рассветом быстро озвереть, не насилуя свой мирный нрав.

– Не надо толкать меня в спину, сама уйду.

– Я не настаиваю, – еле слышно и весьма неуверенно сказал полковник.

Я взяла свою хлебницу и покинула покои Измайлова, сохраняя осанку. Позвоночник был во мне единственным, что еще подчинялось воле, вернее, не противилось ей. Остальное пребывало в полном раздрае. Но не показывать же этого Вику. Он привык видеть, что я в тонусе. Нельзя лишать человека полезной привычки ни с того, ни с сего.

В отличие от полковника меня совершенно не волновала пропажа ключей из сумки Илоны. Я сразу решила, что правды про них не добьешься. Сама домработница могла посетить, а теперь сочла за лучшее не афишировать этого. Ведь из-за ее невнимательности Косаревым пришлось бы менять замки. И стащить ключи не велик труд. Я однажды наблюдала, как шkodливая рука мужчины среднего возраста аккуратно расстегнула молнию на моей сумке, нырнула внутрь и вынырнула со всем, что поместилось в горсть. Спросила: «Зачем вам носовой платок и помада»? Он нервно разжал кулак и выскочил из троллейбуса – двери как раз открылись. И еще

одна вероятность не исключалась. Если Илона и в самом деле проштрафилась, Вале ничто не мешало ее уволить и забрать ключи. Возможно, Лиля и Аня знали об этом, поэтому хитрушка после гибели хозяев явилась на удачу ко мне. Не так-то просто найти работу через агентство. Я, доверчивая, уши развесила, а ведь она могла и в записной книжке Вали на мой адрес наткнуться, и в разговорах дома фамилию подслушать. «Ты – чудовище, – сообщила я себе. – Так плохо о людях даже мизантроп Балков не думает. Не надолго же хватило твоей веры в непорочность первого впечатления. Не говори Вику об этом варианте, хватит с него постельного белья. Пусть надеется, будто что-то человеческое в тебе еще осталось. Опомнись. Отбери Валя у Илоны ключи, они были бы у Косаревых дома. Не в тайник же под паркетом, который грозился найти и вскрыть Егор Бадацкий, их спрятали».

Тайник волновал мое воображение около часа. Забираясь под одеяло, я сказала себе: «Посоветуй завтра Измайлову разобрать в квартире Косаревых полы и вспороть все матрасы, подушки, кресла, диваны в поисках неизвестно чего». Представила себе его лицо и заснула, тихонько хихикая.

Глава шестая

Утро настало серенькое и какое-то милое. То ли из-за высокой просини, кое-где просвечивающей на стыках войлочных облаков, то ли из-за подновившего за ночь сугробы чистого снега. Мне хорошо бегалось и дышалось, поэтому я совершила бросок через сквер до метро, чего обычно зимой не делаю. Я самозабвенно трусила по утоптанной ранними трудягами дорожке и вдруг впереди увидела Вика. Он покупал что-то в газетном киоске. Вот-вот сядет в служебную машину и укатит. А мне так захотелось пожелать ему удачи. Недавно Измайлов доказывал, будто я выдумываю преступление за преступника. Сам же душегуб в большинстве случаев действует спонтанно и, если что просчитывает заранее, то приблизительно. Времена, мол, такие – средств умерщвления много, способных здраво свидетельствовать людей мало, и вообще громадный современный город – лучший сообщник. Убийство Косаревых с этих позиций было старомодным, то есть задуманным, спланированным и подготовленным. И тогда на пробежке мне казалось, что раскрываться оно должно в тиши кабинета в духе Шерлока Холмса. И что Вику об этом необходимо сообщить.

Измайлов уже засовывал в карман сдачу – никак не приучу важно извлекать подаренный мною роскошный бумажник – и поворачивался спиной. А мне до него оставалось

одолеть расстояние длиною в одноэтажный бетонный магазинишко. Я прикинула, что если оббегу его сзади, успею вылететь ему навстречу. Завопив: «Вик, подожди», я ринулась на задворки. Возле двери в подсобку возлежал громадный пегий кобель кавказской овчарки. Мое шумное и резкое появление он воспринял, как попытку бесплатно получить то, что надлежало покупать за свои кровные с другой стороны. Зверь зарычал, упруго вскочил и подпрыгнул. С перепугу мне почудилось, что его косматая безухая башка с оскаленной мордой взмыла надо мной на полметра. Заслонив руками лицо, я развернулась, и лучший из охранников впился клыками в мою пятую точку. Худшие иногда в таких случаях стреляют без предупреждения, но попадают не всегда. Все произошло так неожиданно и быстро, что я заорала: «Фу, скотина, фу», когда он на секунду разжал челюсти. Этого мига мне хватило, чтобы ощутить, как мерзко пахнет у него из пасти, отскочить за угол и услышать сочный щелчок прорвавшихся воздуха зубов.

Полковника Измайлова и его машины уже не было, к метро спешили полусонные люди, мое мягкое место горело, и душа наполнялась недоумением. Я пробежала немного в направлении дома и поняла, что не могу – больно. Потирая обиженную псом часть тела, кое-как дохромала до квартиры, стянула брюки, убедилась в целостности плащевки. А затем с изумлением обнаружила четыре лениво кровоточащие симметричные ссадины на коже. Еще раз осмотрела матери-

ал – ни дырочки. Набрала рабочий номер Настасьи:

– К операции готовишься? Прости великодушно, что отвлекаю...

Молча, выслушав краткий отчет о моих злоключениях, Настасья десять минут обзывала меня такими словами, которыми я на обратном пути «кавказца» не осмелилась наградить.

– Немедленно привейся от бешенства, – велела подруга. И, звучно посопев, злорадно добавила: – И от столбняка тоже, не повредит.

– Не буду, – подала голос я. – Ты сама говорила, что от столбняка прививают, если в рану попала земля, а от бешенства, если звериная слюна. Но штаны не порваны. И потом, он не бешеный. Просто я слишком заполошно ворвалась на его территорию. Скорее уж у меня это самое.

– Сдохнешь, – припугнула Настасья.

– Ну и ладно.

– В страшных муках судорог.

– Скоро?

– Вот дура! Поль, почему у тебя все всегда буквально, а не образно? Поднабралась здоровья, называется. На свою задницу.

– Насть, почему так ходить больно?

– Жрать надо регулярнее и больше, амортизационный жировой слой наращивать. Вцепился, сволочь, в мышцу. Конечно болезненность выше. Все, я пошла, у меня резекция

желудка.

– Ох, лучше укус, – признала я. – Ни пуха.

– Лучше не соваться в подворотни. И изредка головой думать, а не тем, за что тебя кобель тяпнул. Йодом хоть обработай. К черту.

«Все из-за Вика, – думала я, добросовестно прижигая саднящие отметины. – Неслась к нему, как угорелая, и вот результат. Вечером обязательно предъявлю претензии и покажу будущие шрамы. Нет, стану его избегать, пока не заживет. Потому что Настасьины комментарии по сравнению с его оценкой произошедшего – комплименты. А ведь забавно. Пес оправдан – у него сработал инстинкт. Зато Измайлов, вроде как виноват. Не почувствовал моего стремления к нему, не услышал оклика и топота, не спас. Глупое я существо. Что за привычка валить все на близких? Умные люди кого в своих бедах обвиняют? Власти! А чего от них требовать? Отстрела бродячих животных? Жалко „кавказца“, хотя ребенка мог загрызть насмерть. Да и до моего любопытного носа чудом не дотянулся. Отхрюпал бы, по-другому запела бы, защитница городской фауны. Будоражающие мысли. Спокойнее дуться на Вика, которому любовь не открыла глаз на затылке».

Я могла бы долго продолжать в том же сентиментальном духе, но зазвонил телефон.

– Поля, мы собираемся навестить родителей Саши и Вали. Ты с нами? – спросила Лиля Сурина.

– Я?

– Значит, с нами. Заедем через час. Я звякну из машины.

Теперь у меня еще и в висках закололо. Неразлучной тройце понадобилась попутчица? Я ни одного родственника ребят в глаза не видела, и Лиля об этом знала. Не случись контакта с бдительным зверем, мне было бы над чем поломать голову, считая минуты до звонка. А тут я вяло и трусливо спросила себя, не разумнее ли полежать до вечера. Ответила: «Безусловно, разумнее. Укладывайся, укрывайся пледом». И потащилась под душ, вспоминая, как Настасья отмахивается от предложений побездельничать: «На кладбище отдохну». Нет, не получалось у меня смиренно ждать, пока сыскари Измайлова назовут имя убийцы. Вчера я сказала Вику правду, дескать, сама не лезла, меня втянули. И продолжали втягивать. Впервые в жизни мне это не нравилось. Добровольные попытки Лили связаться со мной, визит Илоны, якобы посланной Валею за десять дней до гибели, сегодняшнее, в сущности, не предполагающее отказа приглашение выразить соболезнования родне убиенных складывались в цепочку неведомого назначения. Нас тревожит не неизвестность, а вариабельность будущего. Мне надо было сосредоточиться и как-то подготовить себя к грядущим испытаниям. Но я только старалась не задеть губкой, а потом полотенцем ссадины, осторожно натягивала одежду и гадала, выпить обезболивающее, или толку от него не будет. На корню рубит фантазию телесная боль, как ни крути.

Друзья Косаревых уложились в сорок минут. Стиснув зубы, я спустилась на улицу. Знала бы, что будет так тяжело, не согласилась бы. Егор угловато притулился на водительском месте, рядом с ним восседала суровая Лиля, Аня вжалась в заднее сиденье. Я попыталась аккуратно присоединиться к ней и поняла, что обречена улыбаться сквозь слезы. Куда только я не пыталась переносить тяжесть тела, даже на руки. И все равно, когда машину потряхивало, впору было стонать. Выручало то, что настроение у всех было омерзительным. Поэтому и мои непрерывные стенания в голос никого не смутили бы. Поскольку молчать я не могу ни при каких обстоятельствах, пришлось начинать разговор:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.